

КР2
4-19
96699

С. Таплина

НИКОЛКА

и
Иголка

Валентина Чаплина

кр2
4-18

НИКОЛКА
и
Чанка

повесть

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ — 1961

мет.
ц.

у 96699

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. В. Чаплиной
филиал № 18 МУК "ЦЕДБ"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вот это да-а!	5
Ты у нас знаменитая!	16
Кляксы, а не цветы	18
Отчего она не сказала?	23
Честное пионерское	27
Разве он пропащий?	31
Чемпион по штопке	35
Почему он так поступил?	47
Живой барин	57
Самая противная	66
Не страшно, а противно	69
Причем тут я!?	75

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Валентина Семеновна Чаплина

НИКОЛКА И ИГОЛКА

Чувашгосиздат — 1962

Оформление П. В. Сизова.

Редактор А. А. Соколова.

Худож. редактор Н. С. Кириллов.

Технич. редактор Г. П. Петров.
Корректор З. Федотова.

ИТ 01218. Слово в набор 23/1-1961 г. Подписано к печати 9/V-1962 г. Формат 70×92 1/16.
Объем 5,86 печ. л. Уч.-изд. 3,75 л. Заказ № 127, изд. № 153/51. Тираж 15000 экз. Цена 11 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР,
г. Чебоксары, Володарского, 5.

Ты знаешь Николку? Какого? Да Короткова, которого ребята Коротышом зовут, потому что он самый маленький в классе. Тихий такой, смешной и очень часто краснеет. У него ещё на лбу вихор кверху торчит. Не знаешь?

И Кольку Длинного не знаешь? Фамилия его Капустин, а за высокий рост его Длинным прозвали. На физкультуре он первый в колонне стоит, а Николка — последний. И сидят они на одной парте, на самой дальней в среднем ряду. А уселись рядом не потому, что очень дружат, а просто их Надежда Васильевна вместе посадила. У них зрение замечательное. Они могли бы сидеть даже ещё дальше от доски, но дальше уже стенка, а за ней 6-й «а» класс, до которого они ещё не доросли.

Впереди них на парте — Пашка Рыбин. Один. С ним никто не сидит. Противный он.

Неужели ни с кем не знаком? И с Юркой-непоседой тоже? Он ходить спокойно не умеет, вечно носится. Как влетит в класс, кажется сразу десять мальчишек влетело, столько от него шуму.

И Яшу-старосту не знаешь? И задаваку Зиночку Соловьёву? И Веру Мушку? Они же все вместе в пятом классе учатся. А живут в нашем городе. Я их часто встречаю на улицах.

Хочешь, я познакомлю тебя с ними? А? Хочешь?

Я в этой книжке расскажу тебе про них, а потом ты и сам узнаешь их, когда встретишь. Может, вы ещё и подружите. А может, и нет. Всяко бывает.

Знаешь, что сейчас делает Николка Коротыш? Он улыбается. Стоит на улице, смотрит, как в небе голуби кружат, и улыбается. Шапка-ушанка надвинута на самый лоб (может быть, под шапкой вихор привыкнет к нормальному положению и не будет задираться кверху?!), в руках портфель.

— Какое небо сегодня красивое, — думает он, — синее-пресинее, точно такое, как глаза у мамы, когда она смеётся.

А Колька Длинный увидел его, подошёл да как щёлкнет по шапке.

— Опять ворон считаешь, Коротыш?! Айда в школу! Интересно, как наши будут к учительке подлизываться, — и зашагал по улице.

Услышав эти слова, Николка погрустнел, вздохнул и пошёл за ним.

Вот это да-а!..

Дело в том, что сегодня восьмое марта. Разговоры о нынешнем дне шли в классе уже давно. В этом году ребята решили для своей классной руководительницы — Надежды Васильевны сами приготовить подарки.

Мальчишки сговорились делать один коллективный подарок. Под руководством Яшиного папы, который вёл в их школе уроки труда, они мастерили Надежде Васильевне стеллаж для книг. Кто пилил, кто строгал, кто гвозди вколачивал, кто красил, а кто в баночке краску разводил. В общем, участвовали в этом деле все, все, кроме... троих. Николки, Длинного и Пашки Рыбина.

Рыбин и Длинный часто бывали вместе, ни с кем из ребят своего класса

особенно не дружили. У них была какая-то своя компания. Когда Николку пересадили к Длинному, как-то так повелось, что тот стал ходить к нему домой, да и Пашка тоже. И завязалась у них не то чтобы дружба, а так, близкое знакомство. Все-таки сидели вместе.

Когда ребята спросили, почему они не приходят в мастерскую делать стеллаж, Колька и Пашка заявили, что не хотят, как все, подлизываться к учительнице. А Николка сначала ничего не сказал, только покраснел, а потом засопел и пробормотал, что делает для Надежды Васильевны планёр, то есть нет, не планёр, а корабль, в общем, даже не корабль, а этот самый... как его... Николка совсем запутался и обещал, что завтра придёт делать стеллаж. Но Рыбин и Длинный сумели его отговорить. Так ни разу он и не пришёл помогать ребятам.

И вот сейчас, когда Николка открыл классную дверь, то сразу же увидел ребячий подарок, стоящий около доски. В классе шумели. Среди десятка голосов, как всегда, выделялся очень высокий и писклявый голосочек Веры Мушкиной — Мушки. Он был скрипучий и тонкий. Когда жужжала Мушка, Николке невольно хотелось встать на цыпочки. Ему всегда казалось, будто голос вот-вот прервётся. Он был похож на тоненькую шёлковую ниточку, которой хорошо вышивать художественной гладью.

Эта ниточка и сейчас дрожала и звенела. Она то становилась толще, то тоньше, но, к удивлению Николки, не обрывалась.

— Не надо говорить никаких речей, — пела ниточка, — Надежда Васильевна войдёт, увидит наши подарки и обо всём догадается сама.

Николка потоптался около своей парты, держа правую руку в кармане, и медленно, неуверенной походкой пошёл к столу. Там лежали всякие пакеты, свёртки и свёрточки. Это были девчачьи подарки. Николкина рука вспотела, но он никак не решался вынуть её из кармана, не решался потому, что в кулаке был зажат маленький свёрток, похожий на один

из тех, что лежали на столе. И вот он уже, наконец, решился, вот почти вынул руку, и вдруг рядом раздался нитяной голосок:

— Эй, Коротыш! А где твой корабль, или планёр, или этот самый, как его? В кармане, наверно? В кулаке держишь? — и Мушка задорно рассмеялась, словно рассыпали по стеклу звонкие бусинки, и они весело запрыгали, как маленькие, кукольные мячики.

Николка покраснел и вышел в коридор. Зазвенел звонок.

В обычные дни после звонка за парты садились не сразу, ещё с минуту-полторы слонялись по классу, возились, шумели. Но сегодня, услыша металлический звон над головой, все бегом помчались на свои места. У входа в класс даже образовалась давка.

Николка от двери обычно сразу сворачивал в конец класса, там, будто играя в чехарду с последней партой, перепрыгивал через неё (эта парта всегда пустовала) и садился на своё место рядом с Колькой Длинным. Но сейчас он не свернул в конец, а побежал мимо стола и на ходу, вытащив руку из кармана, сунул куда-то в девчачьи подарки свой маленький свёрток. Сев за парту, Николка почувствовал, как начинает понемногу краснеть и как сильно колотится его сердце.

В классе очень быстро установилась странная, будто непроницаемая, тишина. Всем казалось, что Надежда Васильевна очень долго не идёт. Но вот, наконец, дверь отворилась, и учительница вошла в класс. Все моментально поднялись.

Сразу же, с порога она увидела стеллаж и, ещё не поняв в чём дело, нахмурилась. Медленнее обычного подойдя к столу, Надежда Васильевна остановилась. Портфель она держала навесу, почему-то не догадываясь сразу положить его на стол.

Все стояли так неподвижно и тихо, что через двойные рамы было слышно, как на крыше дома, стоящего через дорогу, мяукает кот. Но никто, кроме Рыбина и Длинного, даже головы не повернул к окнам, чтобы посмотреть на этого кота.

А он, белый, с рыжим хвостом и ушами, сидел у водосточной трубы и орал.

Николка не отрываясь глядел на Надежду Васильевну. Лицо её было серьёзное, такое, какое бывает, когда она ставит кому-нибудь двойку. И ещё Николка увидел, как рыжий солнечный лучик прыгнул из окна в класс. Сначала онсел на плечо Надежды Васильевны, потом она немножко повернулась, и лучик сейчас же перепрыгнул ей на ухо, осветив прядь волос. Прядь сразу стала лёгкой, воздушной, золотистой. Николка понял — это пришла весна! Март! Поэтому лучик такой озорной и весёлый. Глядя на него, Николка и на своём ухе почувствовал нежное тёплое щекотанье.

Надежда Васильевна, конечно, поняла всё. Она мельком оглядела стол, с тем же серьёзным лицом обернулась к доске и несколько мгновений молча, неподвижно, смотрела на стеллаж. Подошла к нему, мягко погладила его коричневый бок и, наконец, улыбнулась.

Надежда Васильевна могла улыбаться по-разному. Иногда обыкновенно, а иногда вот так, как сейчас, как могла улыбаться только одна она на свете. И тогда каждому из ребят казалось, что их учительница становится похожа на его родную маму, бабушку или тётю.

— Спасибо вам, хорошие мои. Все ваши подарки для меня так дороги... — и Надежда Васильевна, не закончив фразы, почему-то смолкла.

Ребята видели, что лицо у неё сегодня гораздо радостнее, чем было в прошлом году восьмого марта, когда они подарили вазу для цветов. В тот день тоже светило солнце. Ваза была — загляденье! Надежда Васильевна подняла её над столом, и солнце заиграло в стеклянных гранях всеми цветами радуги, а по стенам класса озорно запрыгали зайчики. Ваза была очень красива, похожа на хрустальную. Но тогда Надежда Васильевна улыбалась обыкновенно. И ребята поняли, почему сегодня учительница улыбается по-другому. Она догадалась, что нынешние подарки учени-

ки сделали ей своими собственными руками. И именно это было Надежде Васильевне дорого.

— Садитесь, — сказала она.

Ребята дружно и тихо сели, без единого лишнего движения. И только с конца среднего ряда послышался неприятный резкий стук крышкой парты. Все знали, что это стучит Рыбин, но никто не обернулся на этот стук, только Длинный щёлкнул Рыбина по затылку. У Кольки была такая привычка — щёлкать по затылку всех, кто ниже его ростом. А так как он был самый высокий в классе, то все ребята знали своими затылками его тонкие, костлявые пальцы. Ходили слухи, будто ребята собираются хорошенько отколотить за это Длинного.

Чтобы лучше видеть Надежду Васильевну, Николка сел почти посередине парты, чуть не задев черту, которой они с соседом поделили парту пополам.

Вот учительница развернула ковёр, который вышивали несколько девочек, тихонько ахнула и поблагодарила. Потом протянула руку в сторону, куда Николка положил свой свёрток, и зашелестела бумагой. Сердце у Николки опять сильно забилось и, почувствовав, что снова начинает краснеть, он уставился глазами в парту. Когда же вновь посмотрел на Надежду Васильевну, то увидел в её руках тёплые, шерстяные варежки. Оказывается, это Катя и Лида связали их на спицах. Потом был рассмотрен воротничок, дорожка, выпиленная из фанеры вазочка и ещё много всяких других вещей. За всё это Надежда Васильевна поблагодарила учеников и... начала урок.

Когда она вызвала Николку, лицо у него ещё было удивлённое и растерянное.

Он вышел к доске и с трудом припомнил, что задавали. Во время ответа взгляд его то и дело тянулся к столу, где лежали подарки. Николка никак не мог понять, куда делся его свёрток, даже слезил несколько раз в карман: не остался ли он там.

Вдруг он увидел, что из-под портфеля Надежды Васильевны маленьким треугольничком торчит кусок свёрнутой

газеты, и понял всё. Учительница случайно положила портфель на тонкий свёрток, и подарок остался незамеченным.

Пока Надежда Васильевна ставила отметку в журнал и дневник, Николка стоял совсем близко около портфеля. Портфель был толстый, пузатый, будто только что пообедал за пятерых. Так и хотелось похлопать его ладошкой по кожаному животу.

— Это он наших тетрадок наелся. Схапал целых тридцать штук и рад, портфелина, — думал Николка и всё поглядывал на газетный треугольник, видневшийся из-под портфеля. И показалось Николке, что залез в портфель незнакомый зверёк, прогрыз в боку дырочку и выставил в неё своё треугольное серое ухо. При этой мысли Николке стало смешно. Ужасно захотелось дёрнуть зверька за ухо, но Надежда Васильевна подвинула портфель, и ухо исчезло, будто зверёк испугался

и спрятал его внутрь портфеля. Когда-то он теперь его высунет!

После звонка Надежда Васильевна не пошла в учительскую. Она была взволнована, растрогана и всю переменную разговаривала с ребятами. Портфель лежал без движения на одном и том же месте.

Только к концу следующего урока, вынимая тетрадь, Надежда Васильевна передвинула портфель, и снова из-под

него стало видно серое ухо, но гораздо большего размера. Первой его заметила, конечно, Мушка. Она сидела прямо перед учительским столом.

— Ой, Надежда Васильевна, — зазвенел на весь класс нитяной голосок, — тут ещё какой-то подарок, а мы и не видели.

— Кто же это у нас такой скромный, что не напомнил о нём? — спросила Надежда Васильевна, беря в руки свёрток.

Николка засопел и опять уставился в чёрную крышку парты. Зашелестела газета. Ему казалось, что она шелестит целый час. Но вот бумага смолкла, и снова стало слышно, как на крыше мяукает кот.

— Кто это сделал? — раздался удивлённый голос Надежды Васильевны. По голосу Николка сразу не понял, рада она или нет. Еле-еле оторвав взгляд от парты, словно та была липкая, он смотрел на учительницу. Лицо у неё было такое, будто она только что поставила в журнал десять пятёрок.

— Кто это сделал? — громко повторила Надежда Васильевна, и теперь уже Николка знал, что подарок ей нравится. — Смотрите!

Первая ахнула Мушка, потом Лида и Катя, потом все остальные девчата вместе с Юркой. Яша сказал: «Ого!»... Другие ребята с интересом, но молча смотрели на подарок.

Надежда Васильевна держала обыкновенный квадратный кусочек чёрного сатина. А на нём шёлком был вышит вид с её любимой открытки. Справа и слева крупные зелёные ели, запорошенные снегом, в центре, как бы вдаль, здание Московского Университета, а сверху над ними маленький серебряный спутник земли. И на ёлочки, и на Университет с неба летел снежок. Снежинки были так похожи на настоящие, что казалось, встряхни Надежда Васильевна посильней этой вышивкой, и они посыплются с неё, закружатся белым роем в воздухе, потом бесшумно сядут на портфель, на вынутую тетрадку, на чернильницу и... растают.

Надежда Васильевна снова задала вопрос, кто это вышивал, но все молчали.

И тут Рыбин с Длинным увидели, что Николка не сидит, а стоит. Но он был такого маленького роста, что до сих пор никто этого не заметил.

— Ты что, как штык, вытянулся? — удивился Пашка. — Тряпочку не видно? Типичная девчачья ерунда. Сядь, не разглядывай. Нечего перед девчонками унижаться. Что они могут! Истычут лоскут иголкой и ахают, будто путное сделали, — и Пашка сделал вид, что презрительно плюёт в сторону девчонок.

Николка упрямо стоял.

— А может, это ты вышивал? — подмигнув Длинному, съехидничал Рыбин. — Смотрите, новая девчонка в нашем классе! Юбочку надень, косы отпусти!

Длинный расхохотался, зажимая ладонью рот. Хмыкнули ещё несколько мальчишек.

— Самое распоследнее дело, когда парень девчачьей дребеденью занимается. Ни один порядочный человек руки не подаст такому сосуну, — не унимался Рыбин. Лицо у него стало злое и некрасивое.

— Точно, — поддакнул Длинный.

Николка уже ругал себя за то, что положил вышивку на стол. Если б можно было её вернуть, он никогда никому не показал бы свою работу. Позор! Когда узнают, что это он вышивал, все порядочные ребята перестанут с ним здороваться. Сейчас над ним захохочет весь класс, все мальчишки и все девчонки, а первая — Мушка зальётся тоненьким голо-сочком. Он уже слышал в ушах этот высокий звон. Может, соврать, сказать, что не он вышивал? Но Николка никогда в жизни никому не врал.

Рыбин обернулся и положил перед Николкой клетчатый тетрадный листок. Под начатым и неоконченным упражнением чернилами наскоро был нацарапан рисунок. По бокам две ёлки, посередине домик, а вверху солнце с глазами, носом и улыбающимся ртом. Всё это было заключено в квад-

рат, а под ним стояла подпись: «Ковёр знаменитой вышивальщицы Николы Коротковой».

Николка как увидел это, засопел, покраснел и хотел спрятать бумажку в парту, но Пашка схватил его за руку. К ним подвинулся Длинный, глянул, прочитал, захохотал вслух.

— Стоишь, вышивальщица?

Николка сел, он никак не мог вырвать свою руку из Пашкиной сильной лапы. Поднялась Возня.

— Что там у вас такое? — спросила Надежда Васильевна, глядя на последнюю парту.

Возня продолжалась. Тогда учительница направилась в конец класса. Рыбин отпустил Николкину руку и нехотя повернулся. Николка поспешно спрятал в парту скомканный клетчатый листок и испуганными глазами глядел на подходившую учительницу.

— Почему ты такой красный? Что у вас случилось?

Николка встал.

— Ничего не случилось, — только и мог пролепетать он.

— А он оттого красный, что ничего не подарил вам. Ему стыдно, — зазвенела Мушка. Лида дёрнула её за косу, дескать, молчи, зачем огорчать Надежду Васильевну, но Вера не поняла и продолжала:

— Он ни разу не приходил стеллаж делать, говорил, что планёр или корабль принесёт, а сам ничего для вас не сделал.

Все обернулись к Николке. От этих слов он покраснел ещё гуще. Теперь его лицо, уши и шея стали одинакового цвета с пионерским галстуком. Кто-то фыркнул. На Николку всегда было смешно глядеть, а он ужасно смущался, если чувствовал, что на него смотрят.

Вот и сейчас Николка стоял перед Надеждой Васильевной маленький красный, будто только что вышел из бани, и взъерошенный, как воробей после драки. Машинально, привычным движением дрожащая рука пригладила волосы на лбу, но хохол, как Ванька-встанька, тут же поднялся кверху

и опять белёсым кустиком стал упрямо глядеть в потолок. Он был очень похож на пучок сухой прошлогодней травы.

И вдруг на весь класс вскрикнула своим баском очкастая Лида:

— Надежда Васильна, я знаю, кто это вышивал!

Николка часто и испуганно заморгал, но этого никто не заметил, потому что все обернулись к Лиде.

— Ну как мы раньше не догадались, это же...

Николка совсем перестал дышать: сейчас, вот сейчас, свалится на него позор...

— Это же вышивала Зина Соловьёва! — пробасила Лида. — Конечно, она. Кто же ещё?

В классе зашумели. Зина славилась как хорошая рукодельница. Сейчас она болела и не ходила в школу, но все знали, что Зина вышивает для Надежды Васильевны какой-то зимний пейзаж.

А Николке вдруг стало жарко, он почувствовал, что у него совсем мокрая спина, и к ней прилипла рубашка.

— Зина говорила, — басила Лида, — что если восьмого марта сама в школу не пойдёт, то передаст пейзаж через Таню. Таня в их доме живёт, а учится в нашей школе. А я сегодня видела Таню около нашего класса. Значит она принесла и положила.

Теперь всем стало ясно, что это Зина так замечательно вышивает.

Все тянулись посмотреть вышивку. Надежда Васильевна дала её ребятам, чтобы они без толкотни, спокойно разглядели коврик, передавая с парты на парту.

Прозвенел звонок, но никто не вскочил. В коридоре затопали ребячьи ноги.

— Вот это да-а! — сказал Яша, отдавая вышиванье на следующую парту. — Это тебе не крестиком по напечатанному рисунку. Тут нужна рука художника.

Когда вышивка дошла до Пашки Рыбина, он не только не стал её рассматривать, а взял матерью за угол двумя пальцами, будто жабу, покрытую бородавками, и брезгливо

швырнул на последнюю парту, где сидели Николка и Длинный. Швырнул, на глазах у них вытер пальцы о рубашку и прищурившись стал наблюдать, будут ли разглядывать вышивку или нет. Длинный, посмотрел на Пашку, и они перемигнулись.

Время шло, ни Николка, ни Длинный не дотрагивались до вышивки. Видно было, что Колька не прочь разглядеть её, но перед Рыбиным он делал вид, будто ему абсолютно безразлично. А Николке было странно смотреть издали на свою вышивку. Скомканная и маленькая, она неподвижно лежала на крышке парты, как чужая. Николке казалось, что ей сейчас одиноко и холодно, поэтому она так съёжилась.

— Ну что вы там долго, — зашумели девчата, — передавайте скорее.

— Нате, пожалуйста, вашу драгоценность, — негромко сказал Длинный, опять подмигнув Рыбину, поддел вышивку линейкой и уже хотел было швырнуть на другой ряд, как увидел, что на него смотрит Надежда Васильевна. Тогда он взял вышивку в руки и спокойно передал её девчатам.

На днях в зале на третьем этаже открывалась выставка лучших работ учеников их школы. Надежда Васильевна сказала, что этот коврик обязательно нужно будет отдать на выставку, и там он должен лежать на самом видном месте.

Ты у нас знаменитая!

Зину в классе считали задавакой. Она любила задирать нос, ставила себя выше других и делала только то, что хотела сама, совсем не думая о товарищах. Но сейчас за это рукоделие девочки готовы были простить ей всё. Им не терпелось поскорее рассказать Зине о том, какое впечатление произвела её вышивка.

У Соловьёвых дома был телефон. И вот на большой перемене Мушка, Лида и Катя, взяв с вешалки пальто, побежали к телефону-автомату, который стоял недалеко от школы. Пер-

вая летела, конечно, Мушка. Шапку она не надела, а пальто накинула на голову и держала его обеими руками у подбородка.

В будку влезли все трое, и там оказалось ужасно тесно. Дверь всё время открывалась и скрипела, потому что Мушка не могла стоять спокойно, а вертелась в разные стороны, как будто на уроке.

— Зиночка, Зиночка, — тоненько пищала она в трубку, — ты передавала сегодня вышивку для Надежды Васильны?

— Передавала, — громко ответила чёрная холодная трубка.

— Зимний пейзаж, да?

— Зимний пейзаж.

— Ой, ты такой талант, такой талант, даже не представляешь, какой ты талант. Твой подарок самый лучший. Его берут на выставку, он будет лежать на самом видном месте. Ой, а Яша сказал, чтобы так вышивать, нужна эта... как её... забыла...

— Рука художника, — шёпотом подсказала Лида и тут же по привычке испуганно оглянулась. Лида на уроках всегда подсказывала и ужасно боялась, что её услышат учителя.

— Ты у нас теперь знаменитая! — не умолкала Мушка. — Мы после уроков прибежим к тебе и всё расскажем.

Но чёрная трубка ответила, чтобы девочки не приходили, потому что она с мамой идёт к врачу и неизвестно когда будет дома.

Надежда Васильевна в этот день тоже позвонила Зине. Она поблагодарила её за подарок и сказала, что его берут на выставку.

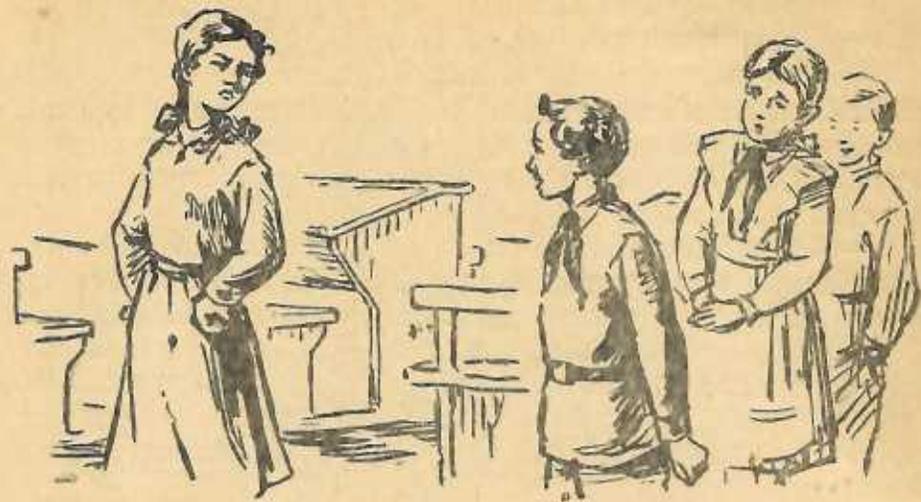
Зиночка объяснила Надежде Васильевне, как любит зимние виды, вот поэтому-то и решила своей любимой учительнице вышить на коврике зиму. И слова «любимой учительнице» она почему-то произнесла громче остальных.

2. В. Чаплина.

96699

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. В. Чаплиной
филиал № 13 МУК "ЦСДБ"

Кляксы, а не цветы!

Девчата так и не сумели навестить Зиночку в эти дни. Они были заняты устройством выставки. Наконец, Зина пришла в школу. Она открыла дверь в класс уже после звонка, когда почти все сидели на своих местах. Оказывается, до последней минуты, пока Надежда Васильевна не показалась в коридоре, она стояла у общешкольной стенгазеты. Там была статья об открывшейся выставке, и Зинину работу хвалили больше всех.

Зиночка вошла и почему-то не поздоровалась, будто уже виделась со всеми. С гордым видом, независимо размахивая коричневым портфельчиком, она проследовала мимо стола учителя и села на своё место рядом с Катей.

Мушка моментально обернулась и зажужжала:

— Зиночка, Зинуша, наконец-то! Как мы рады!

— С выздоровлением! — пробасила Лидя.

Но Зиночка только кивнула им головой молча и небрежно. Все в классе переглянулись и даже притихли, а Катя удив-

лѣнно поглядѣла на неѣ и тут же опустила глаза вниз: ей почему-то стало стыдно за свою соседку.

Зиночка думала, что Надежда Васильевна, как войдет в класс, так сразу же начнет опять расхваливать ее, говорить, какой она талант. Но учительница внимательно посмотрела Зине в глаза, почему-то нахмурилась и... начала проверять домашнее задание.

Сегодня Зина пришла не в школьной форме, а в сером платье с вышивкой. Мама отдала в химчистку ее шерстяное форменное платье, и оно еще не было готово, а надевать старое Зина не хотела. Вообще она ужасно не любила школьную форму. Каждый день одно и то же, никакого разнообразия. Вот студентам хорошо, думала она, надевай на лекции какие хочешь костюмы, никто замечания не сделает.

Сидела Зина всегда почти посередине парты, как будто одна она была здесь хозяйкой, а Катя скромно ютилась на кончике.

Николке хорошо была видна спина Зины. По серому платью вокруг шеи крестом были вышиты синие цветы.

— Какие же это цветы? — думал он. — Ни васильки, ни колокольчики. Таких и в природе нет. — И вдруг ему показалось, что это вовсе не цветы. Просто стряхнул кто-то на Зинино платье авторучку с синими чернилами, посадил ей вокруг шеи несколько капель, они расплзлись на материале, и получились смешные синие пятна-кляксы цепочкой.

Когда на перемене Надежда Васильевна вышла из класса, Зиночка встала и оглядела всех гордым взглядом сверху вниз. Вот она заметила, что Николка пристально разглядывает ее платье.

— Ты чего на мою вышивку уставился? — спросила она громко, так чтобы слышал весь класс.

Все обернулись к Николке, а он при этом, по обыкновению, смутился, начал краснеть и перевел взгляд на стену.

— Смотрит и смотрит, — все громче говорила Зиночка, — как будто я — это выставка.

— Ему, наверно, вышивка понравилась, вот он и смотрит,— пропищала Мушка.

— А я не виновата, что понравилась,— почти крикнула Зина.

— Совсем не понравилась,— пробурчал Николка в стену и, чувствуя, что сейчас станет красный, как мак, пошёл к двери.

Мушка прыгнула и загородила ему дорогу:

— Почему не понравилась?

— Это какие-то кляксы, а не цветы.

— Точно, Коротыш,— рявкнул Пашка, проходя мимо Зиночки.— Ай-ай, Соловьёва, что же ты с кляксами в школу пришла, маменькина дочечка?! Отдай в химчистку. Чистота — залог здоровья! — и, посвистывая, вышел в коридор.

— Лучше середину распори,— продолжал Николка мирным тоном,— оставь одни контуры. Красивее будет.

И вдруг Николка увидел, что глаза у Зиночки стали маленькие и злые-презлые. Вот ей бы сейчас в «Золушке» Крысу играть, подумал он и тут же услышал, как Зиночка притворно расхохоталась, а потом возмущённо заговорила:

— До чего нахальные эти мальчишки! Что ты понимаешь в вышивках?! Чтобы вышивать, нужна рука художника! — и она гордо посмотрела на Яшу.— Нечего совать в вышивки короткий нос! — Зиночка говорила каким-то издевательским тоном, будто Николка перед ней смертельно провинился, и она делала ему строгий выговор. Кате опять стало неловко за свою подругу.

— Критик нашёлся! Да ты понимаешь, что это я сама вышивала! — слово «сама» Зина произнесла особенно громко и вызывающе.

— Ну и что ж, что сама! — буркнул себе под нос Николка.

— А ты слышал, что про моё рукоделие Надежда Васильна говорила? Слышал? Или тебя в классе не было?

— Был я в классе. Слышал,— и, перепрыгнув через парту ближнего к двери ряда, Николка побежал в коридор. На пороге он обернулся и крикнул:

— Про другую вышивку Надежда Васильна говорила, а не про эту!—и бегом пронёсся по коридору. Остановившись у дальнего окна, он почувствовал, что сердце его хочет выпрыгнуть на подоконник, но никак не может. Немного постоял, прошёлся и опять подошёл к окошку.

На подоконнике широкой жёлтой полосой лежали солнечные лучи. Николка положил на них ладонь. Подоконник был тёплый. Николка улыбнулся этому теплу, почему-то вздохнул и стал задумчиво смотреть на улицу. Маленькие прозрачные капли воды пролетали мимо окна. Ветер отдувал их в сторону, и они падали вкось.

— Это с сосулек капает,— решил Николка.— Они со школьной крыши свесили длинные ноги. Жалко, не достать, не дёрнуть за ногу. Высоко.

По проводам прыгали воробьи. Что-то озорно кричали друг другу. Видно было, что у них весёлое настроение, будто уже настали каникулы, и не надо назавтра готовить уроки. Николка улыбнулся. А, может, их пригласил к себе на день рождения какой-нибудь снегирь, и они обсуждают, что ему принести в подарок?

Но улыбка получилась какая-то грустная. Ведь обман с вышиванием скоро откроется. Зина увидит, что не её работа на выставке и сейчас же скажет об этом. Надежда Васильевна опять начнёт спрашивать, кто вышивал, а сумеет ли он, Николка, соврать или промолчать, он не знал.

Что делать? Может, признаться Надежде Васильевне и попросить, чтобы она не выдавала его? Но все учителя говорят, будто нет ничего зазорного, если мальчик занимается девочкиными делами, например, вышивает. Учителя всегда это говорят, а ребята все равно смеются. Надежда Васильевна скажет в классе, чтоб не смеялись, и уйдёт, а отдуваться придётся ему. Нет, лучше пока молчать. Будь, что будет.

Николка стоял около окна и думал, а руку его, лежащую на подоконнике, грели мартовские лучи. Они были такие ласковые, что хотелось взять их в горсть, погладить, потом посадить за пазуху, как рыжего котёнка, и носить с собой. Пусть греют.

А в классе в это время командовала Зиночка. Ей казалось, что теперь все, особенно девочки, должны беспрекословно её слушаться и ни в чём ей не возражать. Ведь никто из них не умеет так замечательно вышивать, как она! Значит, пусть молчат и подчиняются.

Но девочки почему-то держали себя иначе. Увидев, как она командует и распоряжается, они попросту пристыдили её. Тогда она фыркнула, надулась и не захотела ни с кем разговаривать. Пошла было на выставку, но дверь зала почему-то оказалась запертой.

Отчего она не сказала?

В зале, где была устроена выставка, толпилось много народу. Кроме учеников, здесь были взрослые мужчины и женщины: сегодня в некоторых классах проводились родительские собрания.

— Пускай, пускай все посмотрят, — подумала Зина, войдя в зал и самодовольно улыбаясь.

Возле стола их класса стояли несколько женщин.

— Моя младшая только в первом учится, — услышала Зина незнакомый голос, — а я ей уже рисунок для вышивки купила. Кота с бантом. Пускай привыкает.

— Попробовали бы они пейзаж вышить, а то кот с бантом. Чепуха какая! — подумала Зина и прислушалась.

— Может, и моя когда-нибудь выучится так же вышивать, как эта... — женщина склонилась над столом, видимо,

читая табличку.—Как эта Зинаида Соловьёва. Красота-то какая, глядите!

Услыша эти слова, Зиночка чуть не задохнулась от восторга. Ей захотелось крикнуть на весь зал, на всю школу:

— Это я! Я — Зинаида Соловьёва! Я! Посмотрите на меня!

— Матери-то радость видеть, что дочка умница, не бездельничает,— звучал тот же незнакомый голос.— Мать-то небось больше дочки рада.

— Обязательно попрошу маму, чтобы купила мне красные туфельки с кисточками и зелёную сумку с двумя ручками, в универмаге продаются,— решила Зиночка.— Должны же родители чем-то отметить её победу с вышивкой. А то она возьмёт и им назло не будет больше вышивать. Пускай талант зря пропадает.

Женщины постояли, похали и перешли к следующему столу.

Зина мельком оглядела все вещи своего класса, но зимнего пейзажа, который она вышивала, почему-то не увидела. С удивлением ещё раз быстро пробежала глазами по столу. Её вышивки не было. Снова прочитала табличку на стене: «V-й кл. «а». Как же так? Где она делась? Ведь говорили, что в самом центре...

Зина побежала к соседнему столу, над которым висела табличка «V-й кл. «б», потом дальше. Её зимнего пейзажа нигде не было. Но ведь только сейчас произносили её фамилию... Зина не обращала внимания ни на кого вокруг, она смотрела на столы. Вдруг чьи-то мягкие женские руки схватили её за плечи. Зина подняла голову. Перед ней стояла мамина приятельница.

— Зиночка, какой ты молодец! Неужели это твоя работа?

— Моя, моя, а где она?

Мамина приятельница потащила Зину к столу их класса, надела пенсне и уткнула нос куда-то между фанерной полочкой и деревянной шкатулкой.

— Когда ты научилась так вышивать? — спросила она выпрямляясь.

Зина посмотрела в то самое место, где только что был нос маминой приятельницы, и... не поверила глазам, а потом холодные мурашки побежали у неё по спине. На белой таблице чёрной тушью было аккуратно выведено «Работа Зинанды Соловьёвой», а под ней лежал чужой, незнакомый маленький ковёр, который она видела первый раз в жизни.

— Что с тобой, Зиночка? Почему ты стоишь, как каменная? — тормошила её за рукав мамина приятельница.

Зина округлившимися глазами неподвижно глядела на вышивку. Вдруг она резко повернулась:

— Пустите, что вы меня держите? — Но сильные взрослые руки её не отпускали. Тогда Зина уткнулась лицом в тётино мягкое шерстяное платье, от которого пахло «Красной Москвой», и замерла.

— Соловьёва, что же ты нос спрятала? — услышала она голос учителя пения Ивана Ивановича. — Твоя работа одна из лучших. Обязательно пришлю дочку, чтоб поглядела, как у нас пятиклассницы вышивают.

Зина оторвала лицо от пахучего платья и увидела, что все, стоящие около стола, смотрят на неё. Одна незнакомая женщина даже по голове её погладила:

— Скромная, видать. Застеснялась, что похвалили.

Рядом с Иваном Ивановичем стоял Николка, и лицо у него было какое-то удивлённое, встревоженное, будто случилось что-то. Зина никогда не видела у него такого лица, но сейчас ей было не до Николки. Она ещё раз взглянула на ту чужую работу и... выбежала из зала.

Почему произошла ошибка? Всё было так прекрасно и в один миг разрушилось. Зина шла домой, а по щекам текли горькие, обидные слёзы. Хорошо, что на улице стемнело, и никто их не видел.

Отчего она не сказала, что это не её работа? Отчего? Ведь в любой момент, может быть, завтра, может быть, даже сейчас обнаружится эта ошибка, и все увидят, что

Зину хвалили зря, что не надо было о ней писать в стенгазете. При мысли об этом слёзы из Зининых глаз закапали ещё сильнее. Она вытирала их голубой варежкой, но они всё равно катились и катились по мокрым щекам.

— А куда же мог деться мой зимний пейзаж?

Зина помнила, что вечером, накануне восьмого марта, она завернула свою вышивку в белую бумагу и отдала бабушке. Бабушка должна была утром отнести её Тане, которая жила в их доме, только в другом подъезде. Зина даже помнит, как бабушка взяла белый свёрток и, положив в кухне на окно, сказала:

— Только б не забыть.

Прямо в пальто Зина побежала к кухне. На окне, в том месте, куда бабушка положила её вышиванье, стояла большая зелёная кастрюля. Зина глянула за кастрюлю, и опять холодные противные мурашки побежали у неё по спине. За кастрюлей, прижатый её зеленым боком к стеклу окна, лежал свёрток.

Не веря своим глазам, дрожащими пальцами Зина развернула бумагу. В лицо ей глянул надоевший зимний пейзаж, вышитый крестиком по напечатанному рисунку. Под снегом дом в два оконца, дым из трубы, лохматый кустик, дорога, бледно-зелёное небо и голубая берёза.

Значит, бабушка забыла отдать его Тане, и за кастрюлькой свёрток никто не заметил. А бабушки уже несколько дней не было дома. И Зина вспомнила, что утром именно восьмого марта бабушка ушла в дом к другой дочери, которую увезли в больницу, и с тех пор смотрела там за внучатами.

Честное пионерское!

На следующий день Зина пришла в школу встревоженная и насторожённая. Она по-прежнему дулась на девчат, но уже гордо не передёргивала плечами и не смотрела на всех сверху вниз. Зина сидела за партой, чутко прислушиваясь к разговорам вокруг, часто вздрагивала и испуганно оглядывалась по сторонам. Глаза её смотрели беспокойно, будто всё время искали кого-то.

Николке тоже было не по себе. Ведь сегодня раскроется обман с вышивкой.

Но когда же Зина скажет? Почему она молчит до сих пор?

Кончились уроки. Ничего неприятного для Зины в этот день не пришло, никто её не уличил в неправде.

— Может ещё всё обойдётся?— с надеждой подумала она, идя домой.—Выставка скоро закроется, и все про неё забудут.

Зина была человек беспечный и легкомысленный, долго ни над чем не задумывалась.

Прошёл ещё день, а потом и ещё. Николка видел, что настроение у Зины становилось всё лучше. Она даже начала снова понемногу покрикивать на девчат. Кто-то из них попросил Зину научить её так же вышивать. Зиночка, к удивлению Николки, ни капельки не смутилась, а знакомо передёрнула плечами и сказала, что ей некогда. Но потом, Николка видел, что она всю перемену простояла одна у окошка в коридоре, грустно глядя на улицу и о чём-то думая.

Вечером Николка снова заглянул на выставку. Его всё время тянуло сюда, он и сам толком не понимал — почему, но тянуло.

В зале было пусто и прохладно, даже дежурный куда-то вышел. Николка огляделся. Со всех столов на него смотрели вещи: стамески, рейсмусы, гаечные ключи, трусы, тапочки, детские игрушки, шарфы, воротнички. И нигде, ни над одной из них не было его фамилии.

Николка подошёл к столу своего класса, погладил ладонью шёлковые ёлочки. Погладил и вздохнул. На душе было как-то непонятно: то ли грустно, то ли обидно.

Быстрые девчачьи шаги застучали у самой двери зала. Николка с испугом отёрнул руку, будто ожёгся о коврик, и, сам не зная почему, спрятался за пианино.

— Чего это я сюда залез?— тут же подумал он и уже хотел выйти, как дверь распахнулась, и появилась Зиночка.

Увидя, что в зале никого нет, она подбежала к столу своего класса и взяла в руки коврик. Николка видел, что пальцы у неё слегка дрожали. Зина внимательно рассматривала рукоделие, она сдвинула брови, так что даже образо-

валась морщинка над самой переносицей. И чем больше Зина глядела на коврик, тем печальнее становилось её лицо. Увидев изнанку, девочка даже испугалась. По движению Зининых губ Николка понял, что она в ужасе прошептала: «Без узлов!» Обратная сторона его вышивки была чистая и аккуратная, почти как лицевая.

Руки Зины беспомощно опустились на стол, а глаза стали грустные и совсем незлые. Николке сделалось даже жаль Зину. Он подумал: выучить бы её так вышивать, ведь она сумеет!

И сам ещё не зная, что и как он скажет Зине, Николка вышел из-за пианино. Зиночка вздрогнула:

— Ты что тут делаешь?

— Ничего. Просто пришёл и... стою.

Она положила вышивку на её центральное место. И вдруг Николка увидел, как в несколько мгновений Зина стала другой. Только сейчас это была печальная и растерянная девочка, которую Николке стало жаль, но вот она уже высокомерно смотрит на него. Глаза снова такие, с которыми хорошо играть, Крысу в «Золушке». — Какая же она на самом деле? Где она настоящая? — думал Николка.

Зиночка надменно улыбалась.

— Вот погляди, — и гордо кивнула головой на вышивку, — погляди хорошенько.

— А чего мне глядеть, может, я больше тебя глядел, — пробормотал Николка и вздохнул.

— А того глядеть, чтоб не смел мне указывать и учить, как вышивать, где что распороть, а где оставить. Да ещё при всех!

Она опять, как тогда в классе, начинала отчитывать Николку, а он стоял перед ней и задумчиво глядел в стенку. И вдруг ему стало смешно.

— А сколько ты дней вышивала? — вдруг весело спросил он.

— Не помню,— как от мухи, отмахнулась Зина от его вопроса.

Николка не отставал.

— Ну, примерно, сколько? Месяц?

Вошёл дежурный по выставке.

— Выдумал месяц! Дней десять, не больше.

— Дней десять?— и Николка посерьёзnel.— Честное пионерское?— как-то тихо и взволнованно спросил он.

— Что честное пионерское?

Николка замаялся, посмотрел на дежурного:

— Ну... что ты за десять дней вышила.

— Конечно, я очень быстро вышиваю.

— Честное пионерское?—ещё тише и медленнее повторил он, с тревогой глядя Зине в глаза.

— Честное пионерское!— не задумываясь, звонко ответила Зиночка и вышла из зала.

* * *

Ты бы стал после этого разговаривать с Зиночкой? Не знаешь? Или знаешь? А вот Николка не знал. Что делать? Ему было грустно и одиноко. Зина оказалась нечестным человеком. А когда видишь плохое в людях, то всегда грустно. Правда?

Честное пионерское — это такое святое и чистое слово. А сейчас его неправдой залили, будто грязью.

В одной квартире с Николкой жил «пропавший человек». Это был пожилой рабочий с завода. «Пропащим человеком» звала его жена, тётя Маруся, потому что он частенько приходил домой сильно пьяным.

Пропащий это совсем плохой, знал Николка. Может быть, и Зина тоже «пропащий человек»?— мелькнуло в его голове.

Разве он пропащий?

Надежда Васильевна подошла к комнате, где жил Николка. За дверью слышалось домашнее уютное тарактенье швейной машинки.

— Вот и хорошо, — подумала учительница, — сегодня воскресенье, и Лидия Петровна дома. Лидия Петровна — это Николкина мама.

Когда Надежда Васильевна постучала, машинка смолкла, и в комнате поднялась возня. Кто-то быстро, тревожно забегал из одного конца в другой. Она с удивлением прислушалась, но знакомого голоса Лидии Петровны: «Да, да, входите» всё не было и не было. Надежда Васильевна постучала ещё раз, в комнате забегали быстрее, что-то с грохотом упало, наверно, стул и, наконец, холодно и негостеприимно лязгнул откинутый крючок.

— Лидия Петровна раньше днём комнату не запирала, — мелькнуло у Надежды Васильевны. В приоткрывшейся двери она увидела испуганные Николкины глаза. Потом в них появилось растерянное удивление, и Николка заулыбался.

— Это вы, Надежда Васильевна? Проходите, пожалуйста, — заговорил он. — А я думал, Колька Длинный так рано

пришёл, то-есть не Длинный, а Капустин. Мама сейчас придёт.

Надежда Васильевна вошла в комнату и огляделась. Швейной машинки нигде не было видно, только на столе возвышался какой-то непонятный предмет, накрытый платком и старым одеялом.

— Неужели мне послышалось?— подумала она.— А что ты сейчас делал, когда я постучала?

— Я?..— Николка замялся.— Я... уроки учил. Вот,— и он протянул тетрадку.— Русский язык уже сделал. Арифметику тоже,— Николка стал рыться в портфеле, отвернувшись от Надежды Васильевны, но учительница всё же заметила, что он начал краснеть.

— Не ищи, я тебе верю.

— Садитесь, пожалуйста,— уже совсем красный Николка поставил стул посредине комнаты.

— Что такое с ним? Чем он взволнован?— думала Надежда Васильевна. Она часто заходила домой к своим ученикам, так что её посещение не могло быть неожиданностью. Николку встревожило что-то другое.

На диване прибавилась вышитая подушка. Надежда Васильевна погладила ладонью пёстрый мозаичный рисунок, заметила удивительно красивый подбор ниток:

— Как замечательно! Когда это мама успела вышить? Николка засопел и отвернулся.

— Она у нас всё успевает,— буркнул он в пол.

В коридоре послышался мамин голос. Николка обрадовался и распахнул дверь.

— Надежда Васильевна!— радостно всплеснула руками Лидия Петровна, входя в комнату.— Что ж ты раздеться не предложишь?— обратилась она к сыну.— Да, там тебя товарищи на улицу зовут. Скажи, что сейчас не можешь идти.

— Это Длин... то есть Капустин, наверно,— сказал Николка и поглядел на Надежду Васильевну.

— Иди, гуляй, если уроки сделал. Я с мамой поговорю,— улыбнулась она.

И Николка убежал на улицу.

Вернулся он, примерно, через час, взволнованный и расстроенный. Надежда Васильевна одевалась в передней.

— До свиданья, Коля,— весело сказала она ему.

— До свиданья, Надежда Васильевна.

Он стащил ушанку с головы, и вихор, будто на пружинке, сейчас же подскочил вверх.

Провожая Надежду Васильевну, мама в дверях тихо сказала ей:

— Я всё принесу вам завтра в школу. И тот клочок гладью найду обязательно.

Николка не обратил внимания на эти слова. Он был так расстроен, что даже не заметил, как Надежда Васильевна с мамой загадочно улыбались, глядя на него, и что швейная машинка на столе (а это была она) закрыта одеялом и платком совсем не так, как закрывал её он.

Сейчас Николка поссорился с Длинным и Рыбиным. Длинный ещё вчера говорил, что сегодня придёт по какому-то «важному секретному делу». А дело оказалось очень глупым. Они с Рыбиным сконструировали аппарат-хлопушку пугать девочек, и Николка должен был попросить своего соседа «пропащего человека» сделать им на заводе какую-то металлическую деталь. «Пропавший человек» очень добрый, и он, конечно, сделал бы, но Николка отказался наотрез. Во-первых, надо было врать: ведь не скажешь, что деталь для хлопушки пугать девочек? А, во-вторых, вообще зачем девочек пугать?

— Как зачем?— удивились Длинный и Рыбин.— Затем, что они девочки.— Это была самая веская причина, которую могли выдумать эти приятели. Но Николка почему-то не хотел понимать такой простой вещи. И мальчишки поссорились бесповоротно и окончательно.

Наши вымпел на Луну доставили, атомоход «Ленин» построили, корабли-спутники «Восток-1» и «Восток-2» создали, на которых герои-космонавты Гагарин и Титов в космос летали! А эти хлопушку пугать девочек

изобрели. Отличились! Конструкторы! Николка никак не мог успокоиться.

Сейчас, увидя Надежду Васильевну и маму, он подумал: ведь и они когда-то были... девочками. Эта мысль пришла впервые и показалась смешной и странной. Но она перетягивала явно в пользу девочек.

Когда вечером Николка уже лёг спать, в комнату вошёл «пропащий человек» и шёпотом попросил у мамы шепотку чая для заварки. Тётя Маруся ушла в ночную смену и, как обычно, заперла на ключ буфет. Мама пригласила соседа сесть, дала ему чая, и они стали тихо разговаривать.

Зажмурившись, Николка слышал знакомый голос «пропащего человека», представлял его немолодое доброе лицо и глаза, которые всегда казались грустными, если он не был пьян.

— Не верит она мне, что я пить брошу, коли захочу. Не верит. Вот и пью. С обиды. Ну разве трудно поверить человеку?

— Это он про тётю Марусю,— понял Николка.— И разве он пропащий? Он хороший. Тёте Марусе только показалось, что пропащий. А может, и Зиночка тоже не «пропащий человек»? Что это я, дурак, выдумал?— уже совсем почти во сне пронеслось в голове Николки.

Чемпион по штопке

Колька Длинный развязной походочкой вошёл в класс. Подойдя к своей парте, он со всего размаха брякнул на неё книги и тетради, перевязанные ремешком. Ремешок лопнул, и дневник вместе с «Русским языком» полетели на пол.

Рыбин оглядел Длинного с головы до ног и остался очень доволен его внешним видом. Поддев носком ботинка «Русский язык» на полу, он дёрнул Кольку за расстёгнутый воротник и сказал:

— Порядок! Хвалю за храбрость!

В это время к ним подошёл Яша:

— Застегнись, — строго и сухо сказал он Длинному.

Но застегнуть рубашку было невозможно, так как на вороте не сохранилось ни одной пуговицы. От двух болтались только нитки, а на месте третьей была дыра, раза в три больше бывшей пуговицы. Вторая дыра зияла на брюках около кармана. Она была треугольной формы, клоч материи углом висел вниз. Яша поднял этот клоч, дыра исчезла, появилась щель в виде печатной буквы «г».

— Ты почему не в школьной форме?

— Не желаю надевать, и всё, — вызывающе обрезал Длинный.

— Неправда,— выскочила откуда-то Мушка. Она вечно всё знала лучше всех.—Его мать говорит, что на заплатки больше материи пойдет, чем новую форму сшить. Другие дети по несколько лет носят, а ему на год не хватает. Вырос больше матери, выпороть некому.

— Ну ты,— рванулся к ней Колька. Яша преградил ему дорогу, а Мушка уже была в коридоре и веселыми, чуть испуганными глазами заглядывала в дверь.

Ребята, с которыми дружили Длинный и Рыбин, пренебрежительно относились к одежде и даже бравировали своим неряшливым видом. А всех мальчиков, одевающихся чисто и аккуратно, звали маменькиными сыночками. Мыть, чистить, штопать эти ребята считали великим унижением собственного достоинства.

— Это что такое?— ещё строже спросил Яша, показывая на драные брюки и Колькин ворот, где когда-то были пуговицы.

— Это?— Колька сделал издевательски-наивное лицо,— ниточки. А это — дырочка.

— Дырочка! Прравильно!— удваивая «эр», рявкнул Рыбин.— В эту дырушечку Коротыш пролезть может, если согнётся.— И он захохотал на весь класс, подмигивая приятелю.

— Ой, садитесь! Надежда Васильна!— взвизгнула Мушка, влетая в класс.

На пороге появилась учительница с журналом в руках.

— Николай Капустин,— вызвала она через несколько минут.

Длинный лениво встал, взял дневник и той же развязной походкой пошёл к учительскому столу, но не дойдя нескольких шагов до него, вдруг неожиданно остановился, будто наткнулся на что-то. В упор на его растерзанный ворот смотрела Надежда Васильевна. В классе заметили этот взгляд, и быстро стало совершенно тихо. Николка со своей задней парты видел, какими холодными и незнакомыми стали глаза учительницы. Колька ладонью было прикрыл

дыру на брюках, но потом безнадежно опустил руку: прикрывать было поздно.

Надежда Васильевна медленно и тяжело поднялась со стула, внимательно осмотрела Капустина и тихо, одними губами сказала: «Садись на место».

Колька стоял, переминаясь с ноги на ногу, будто пол был горячий.

— Ты слышал, что я тебе сказала?

Он медленно повернулся на каблуке и пошёл назад, но походка его уже не была такой разболтанной, как раньше.

— Я буду отвечать,— произнёс он, остановившись у своей парты.

Глаза учительницы стали ещё строже.

— Любой человек, который уважает себя, своих товарищей и меня, постеснялся бы выйти в таком виде к учительскому столу.

Колька сел и с минуту сидел неподвижно, как пришибленный. Мушка с передней парты сообщила, что Длинному в журнал поставили точку. Рыбин обернулся и ободряюще подмигнул ему:

— Поррядочек! Если не знаешь урока, самый верный способ — оборви пуговицы и айда к доске. Посадят с точкой. Мирово. Точка — не двойка. Плевать.

Урок шёл своим чередом. Колька сидел злой, хмурый и думал: сейчас бы пятёрку получил. Вчера целый час стихи зубрил. Из-за каких-то несчастных пуговиц и дыр лишился пятёрки. Тут он вспомнил, что географию он тоже вчера учил, так как сегодня обязательно должны спросить, и заёрзал на парте, теребя оборванный ворот. Потом достал из кармана мятый пионерский галстук и стал прилаживать на шею.

— Заметно?— толкнул он в спину Рыбина.

— Чего?— рыкнул тот.— Чего заметно?

— Ну дыра...

— Мирово!

Николка поглядел на Колькину шею и ужаснулся:

— Сними, как не стыдно, — прошептал он, сразу забыв, что они в ссоре.

— А с тобой не разговаривают, предатель, — обрезал его Пашка.

Во время перемены, как только Надежда Васильевна вышла из класса, возле Длинного снова оказался Яша. Колька показал ему на свой галстук и подмигнул:

— Сойдёт? Не придерёшься! Жить можно! А то география... — и прикусил язык. Он увидел, что лицо Яши покрыли красные пятна, губы задрожали, а в глазах сверкнул такой гнев, что все, кто сейчас видел его, присмирели. Пашка Рыбин пересчитал пальцами пуговицы под своим галстуком.

Яша был человеком справедливым, ровным и спокойным, но уж если вскипал, значит дело было нешуточное.

— Сними, — медленно и глухо сказал он Длинному.

Яша глядел на Колькин галстук, и пятна на его лице становились всё гуще и темнее. Вместо двух алых концов, которые всегда так похожи на лепестки пламени от пионерского костра, на Колькиной груди болтались два бурых лохмотика, скрученные в трубочки. А из-под них виднелись обтрёпанные лохматые края дырки, которую, как Колька ни старался, невозможно было прикрыть полностью.

— Сними! — грозно повторил Яша. Он стоял, не шевелясь, будто каменный, и в упор глядел на бурые шевелящиеся трубочки.

Дрожащими руками Длинный снял галстук, ворот рубашки раскрылся, показывая худую Колькину шею.

— Дай сюда!

Длинный покорно отдал Яше галстук.

— Тебя зачем в пионеры приняли? Чтоб ты галстуком свою лень прикрывал? Думаешь — повяжу галстук и дыру закрою? Выручит он меня? Нет, не выручит!

— У него мать в командировку уехала, вот он и ходит такой, на человека не похож, — опять выскочила Мушка.

Яша вскипел ещё сильнее:

— Мать уехала? Ты кем живёшь? Барчуком? Пока мать придет, к тебе нянечку приставить пуговицы пришивать? Я понимаю, руки человек на фронте потерял! Пальцы снарядом оторвало, тогда другое дело! А у тебя две ручки! Десять пальцев! Здоровёхоньки! А такой галстук надеваешь?!— И Яша показал притихшему классу мятый бурый клоч материи.

Колька потянулся за галстуком:

— Дай.

— Зачем? Чтоб ты в карман засунул да забыл про него? Я сам его выстираю, выглажу и завтра принесу, пускай тебе стыдно станет перед всеми,— и Яша, аккуратно свернув галстук, положил его себе в портфель.

Ребята зашумели. Пашка подошёл к Длинному.

— Пускай староста на тебя поработает, а ты в хоккеей погоняешь. Классно!

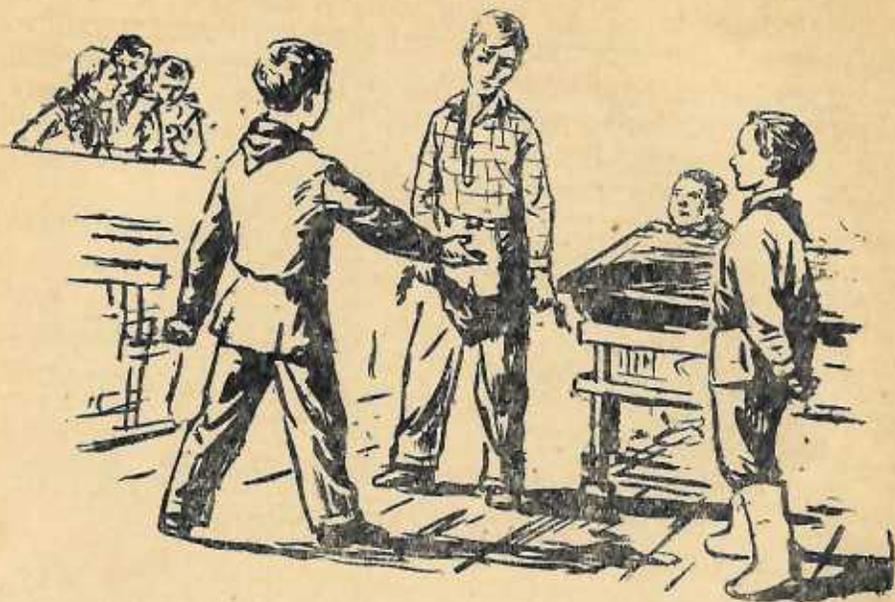
Колька на это молча сверкнул глазами. Так, чтобы не видел Яша, он открыл его портфель и вытащил свой галстук.

Колька видел, что на двух первых партах у стола началось какое-то совещание.

— Ой, девочки, стыдно как за Капустина,— шептала Катя, закрыв лицо ладонями.

Юрка вывалил на парту всё содержимое своих карманов, и ребята рылись в нём. Чего тут только не было! Гвозди, пружины, камни, рыболовные лески и много всяких непонятных вещей. Конечно, если бы это были брюки не от школьной формы, то там нашлись бы вещи похлеще этих. Ребят сейчас интересовало одно: пуговицы! Две подходящие, почти одинаковые, нашлись сразу, а третья никак не находилась. Тут были пуговицы, как горошинки, голубого цвета. Они явно не годились. Была ещё огромная, похожая на колесо от игрушечного грузовика. Эту тоже отвергли.

— Больше нигде ничего нет?— с испугом спросил кто-то.

Юрка шарил по дну портфеля и, наконец, оттуда вместе со старинной монетой и пробкой от одеколona «Кармен» вытащил подходящую пуговицу.

Катя положила на парту пластмассовый игольник, который всегда носила с собой. Он завинчивался напёрстком, а внутри были несколько иголок с разными нитками. Яша сгрёб в кулак все пуговицы, игольник и пошёл к Кольке.

— Снимай рубашку!

Катя бросилась к ним:

— Давай я. Я быстрее зашью.

Длинный, как от гадюки, шарахнулся от Кати в сторону. Катя отошла. Яша припёр Кольку к стене:

— Снимай, говорю. Думаешь, для тебя лентя зашивать стану? Для Надежды Васильны, чтоб ей не противно было в классе сидеть и видеть такого неряху.

Длинный понял, что Яша не шутит, хотел было улизнуть, но обступили другие ребята.

— Вытурите девчонок, что ли!— крикнул он с отчаяньем.

Тут Юрка вспомнил, что сегодня дежурный, и стал выгонять всех подряд. Он орудовал так бурно и энергично, что очень быстро в классе не осталось никого, кроме его самого, Яши и Длинного.

С Кольки сняли рубашку, и Яша стал шить.

— Давай вместе для скорости,— предложил Юрка.— ты одну пуговицу пришивай, а я другую.

Но вместе ничего не получилось, потому что Яша с Юркой всё время стучались головами, и кроме того, Юрка всего один раз уколол иголку в материю, но за это время сумел три раза уколоть палец и теперь стоял и сосал его, будто леденец.

В дверь постучали. Это девчата интересовались, как идёт работа у Яши.

— Ты в клеточку штопаешь?— передавала Мушка в замочную скважину Катины вопросы.— Получается? Ещё много осталось?— спрашивала она уже от себя.

— Много,— передавал Юрка у двери Яшины ответы.

Обе пуговицы пришились быстро и ловко, а вот с дырой на вороте Яша никак не мог сладить.

— Стягивается почему-то.

Юрка сейчас же передал:

— Стягивается. Они спрашивают, что стягивается. Дыра стягивается?

— Да нет, рубашка стягивается, и ворот морщит. Никак гладко не получается.

Девчата заволновались.

— Давайте нам рубашку в коридор, мы живо заштопаем. Там аккуратно надо, потому что видное место.

Но Яша рубашку не отдал. И вдруг Мушка отчаянно забарабанила в дверь.

— Открой, Юра, открой! Нам Коротыш пятку показал.

— Коротыш девчонкам пятку показал,— передал Юрка.

— Зачем?

— Зачем?

— Как зачем? Там штопка замечательная. Сам штопал. Пусты Коротыша, он заштопает.

— Коротыш?— Яша ещё раз попробовал расправить сборки, которые получились на рубашке, покачал головой и разрешил Юрке открыть.

Девчата пропустили Николку, и дверь сейчас же снова была закрыта на стул.

— Не так надо,— сказал Николка Яше, увидев его работу.

И не успели ребята оглянуться, как он, перекусив нитку, распорол Яшину штопку.

— Сумасшедший,—заорал на всю школу Юрка.—Яша работал, а он рраз! и нету. Подумаешь, пятку показал, я тоже могу пятку показать. Из пионеров тебя гнать вместе с Длинным! Всю вашу троицу!

Николка молчал, только засопел. И чем громче орал Юрка, тем сильнее Николка сопел. Юрка совсем разошёлся, даже замахнулся тряпкой на него, но Яша вовремя схватил Юркину руку:

— Молчи, неугомонный, смотри лучше и учись.

Яша внимательно следил за движениями Николки. Руки его работали чётко, уверенно и очень быстро. Ребята даже не успевали следить за пальцами, так они мелькали. Прямо у них на глазах дыра исчезала, а ворот не стягивался, оставался гладким, без единой морщинки.

Даже Длинный с интересом следил за Николкиными руками. Он вытянул худую шею и от удивления раскрыл рот, будто начав говорить какое-то слово и, не кончив его, вдруг окаменел.

Дырки на вороте уже не было. Вместо неё появилась такая же чёрная как и рубашка, аккуратная штопка. Вот и последняя пуговица пришита, она наполовину закрывает штопку, так что та почти совсем незаметна.

— Всё,— тихо сказал Николка, откусывая нитку.— На,— и подал рубашку Длинному.

— Вот это да-а! — проговорил Юрка, улыбаясь во всё лицо. От радостного удивления он даже почесал в затылке, а так как рука у него была в мелу, то на самой макушке появилось белое пятно.— Коротыш, ты же чемпион по штопке на скорость! А мы и не знали, дураки такие. Послали Лиду на соревнования, надо было тебя.

Николка смутился и покраснел.

— Да нет, плохо получилось,— пробормотал он.— Тут заплатку нужно маленькую. Только не из чего было. Не дома ведь.

Яша, улыбаясь, скомандовал Длинному:

— Надевай рубашку, снимай брюки. Живо! Юр, спроси, сколько до звонка.

Юрка со всех ног побежал к двери.

Николка принялся за брюки.

— Три минуты!— забарабанили в дверь.— Уже две! Одна! Открывайте!— неслось из коридора.

Николка не суетился, шил сосредоточенно и, казалось, очень спокойно, но на самом деле он страшно торопился. От напряжения даже выступили мелкие капельки пота на верхней губе, но стереть их не было секунды. Щель в виде большой печатной буквы «г» на брюках быстро уменьшалась. Вот Николка дошёл уже до её угла и повернул. Вот от «г» осталась только часть вертикальной ножки. И вдруг зазвенел звонок. Ребятам в классе показалось, что звенит

он пронзительно и отчаянно над самым ухом у каждого из них.

В дверь неистово заколотили сразу десять кулаков.

— Откройте! Звонок! Закрылись на целый год! Безобразия!

Яша пошёл к двери. Длинный испуганно зашептал побледневшими губами:

— Не открывай! Ни за что не открывай!

Яша и сам понимал, что открывать дверь нельзя. Он оглянулся. Колька топтался у парты, жалкий и растерянный. Ребята очень метко дали ему имя— Длинный. Всё у него было какое-то несуразное, длинное — и руки, и ноги, и шея.

— Не трясите дверь. С петель сорвёте,—громко и отчётливо сказал Яша.

— Звонок! Вы что оглохли?

— Не оглохли. Сейчас.

Дверь продолжали осаждать. Стул, на ножку которого она была закрыта, постепенно ехал вниз. Никто этого не замечал.

Подлетел Юрка:

— Ненормальный народ! Ну куда вы лезете? Колька стоит без...—Яша дёрнул его за рукав.—Ну, в общем, Кольке тут штаны чинят, а они в класс рвутся!

Но за дверью был такой шум, что никто не расслышал Юркиных слов.

— Не открывайте,—шептал Длинный и тянул Николку за рукав. — Давай, как есть, давай!

— Сейчас, уже конец,—пробормотал Николка.

В это самое время стул грохнулся на пол. Яша хотел схватить ручку двери, но она моментально уехала в коридор. Длинный от растерянности даже не догадался сразу сесть за парту.

— Садись!—панически заорал на него Юрка, размахивая руками, и побежал, чтоб загородить. Колька сел. Юрка втиснулся рядом с ним и стал вываливать из парты

все книги и тетради на колени Длинному. Яша отчаянно воевал около двери, не пуская девчат. Несколько мальчишек вбежало в класс и поняв в чём дело, с хохотом окружили парту Длинного непроницаемой стеной. Девчата даже толком не могли понять, что же такое случилось в классе. Наконец, Яша отошёл от двери.

Когда Надежда Васильевна показалась в конце коридора, Николка откусывал нитку.

— Всё,— сказал он, отдавая брюки.

Учительница подошла к классу и услышала необычный, тревожный гул внутри. Она постояла, прислушиваясь, помедлила и распахнула дверь. Все сидели за своими партами, но Надежда Васильевна видела, что ребята какие-то взбаламученные.

— Что у вас случилось?

Но вместо ответа в классе моментально установилась плотная тишина и точно так же, как тогда, на восьмое марта, через двойные рамы стало слышно с улицы мяуканье кота.

— Этот кот, наверно, никогда рта не закрывает,— подумал Юрка,— кричит и дни и ночи напролёт. Не кормят его, что ли?

Надежда Васильевна видела, что в классе что-то произошло, у ребят приподнятое настроение, весёлые, озорные глаза. Она прошла по рядам, взглянула на Кольку Длинного, на его ворот, на брюки у кармана и, словно ничего не заметив, пошла обратно к столу. Но ребята видели, что глаза у неё стали прежними — добрыми и тёплыми. Она больше не спрашивала, что случилось, раскрыла журнал и начала урок.

Спокойным, ровным голосом, будто бы ничего не произошло на прошлом уроке, Надежда Васильевна вызвала:

— Николай Капустин.

Колька быстро подошёл к учительскому столу. Через несколько минут в его дневнике появилась весёлая четвёрка.

Когда он сел, Рыбин презрительно скорчил нос, про-
цедил:

— Поддался маменькиным сыночкам. Околпачили. Зала-
тали.

Длинный молча погрозил ему кулаком. Потом вынул
складной перочинный нож, который нравился Николке,
и положил его на парту. Но положил не на свою сторону,
а на черту, которой они с Николкой поделили парту
пополам.

Николка посмотрел на нож, удивлёнными глазами
спросил: «Ты чего? Мир что ли?» Тогда тот тихонько хмык-
нул, пожал плечами и молча спрятал нож к себе в карман.
А Николке показалось, будто Длинный хочет ему что-то
сказать, да стесняется и не знает — как. И Николка чувство-
вал, что сказать он ему хочет что-то очень хорошее.

Почему он так поступил?

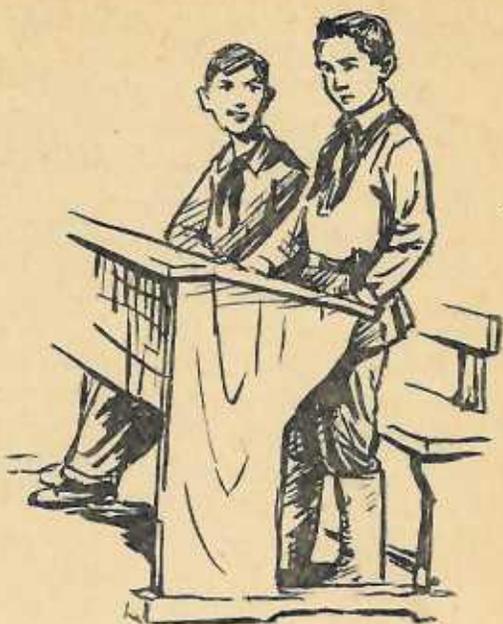
— Подождите расхотиться, я сейчас вам что-то покажу,— сказала Надежда Васильевна, войдя в класс со свёртком в руках. Уроки уже кончились, и ребята собирались домой, но теперь, с интересом поглядывая на свёрток, стали рассаживаться по местам.

— А что там?— пискнула Мушка. Свёрток лежал на столе прямо перед её носом. И Мушке ужасно хотелось потрогать его, хотя бы одним пальчиком, но учительница стояла рядом и нельзя было этого сделать.

Наконец, Надежда Васильевна развернула свёрток. В нём оказались женский ситцевый фартук, ковёр, на котором танцевали зайцы с пушистыми меховыми хвостами, вид Кремля, вышитый гладью на чёрном сатине, и летняя клетчатая ребячья курточка.

Николка зажмурил глаза и потряс головой: может быть, это галлюцинация, видение? Открыл глаза — видение продолжалось. Всё это было настолько удивительно, что Николка даже не покраснел. Вид у него был такой, будто кто-то неожиданно стукнул его по голове сразмаху, и он никак не может придти в себя.

В руках у Надежды Васильевны были... его вещи. Да, да, его родные вещи, которые он делал своими собственными руками. Мамин фартук, сестрёнкин ковёр, его летняя курточка. Он только вчера кончил её шить на машинке. Вон

даже пуговиц на кармашках ещё нет, он сегодня должен был их пришить.

Ребята смотрели на эти вещи с недоумением и немного разочарованные. Они ожидали чего-то более интересного.

— Всё это сделано руками вашего сверстника,— сказала Надежда Васильевна.

— Она тоже в пятом классе учится?— спросила Мушка.

— В пятом.

— В нашей школе?

— Я не скажу вам, в какой школе.

Юрка не сводил глаз с клетчатой курточки. Он давно мечтал о такой.

— Это она своему братишке сшила?

— Нет, не братишке, а себе.

— Себе?— удивился Юрка.— Девчата вечно выдумывают что-нибудь. Мода что ли такая ребячьи куртки носить! Надежда Васильевна, а почему вы не говорите, кто это такая?

— Человек, который делал всё это, не хочет, чтобы знали его имя.

— Почему?— зашумели ребята.

— Стесняется.

— Это же ненормальная девчонка,— возмутился Юрка.— Делает такие замечательные вещи и стесняется.

Николка, как каменный, не шевелясь, сидел за партой. Когда первое оцепенение прошло и он понял, в чём дело, то мгновенно стал пунцовым, мокрым и отчаянно засопел.

— Дело в том, ребята, что эти вещи не девочка делала, как вы думаете, а мальчик.

— Мальчишка?— подскочил, словно на пружине, Юрка.— Эту вот куртку делал мальчишка? Сам?

— Сам. И кроил, и шил всё своими руками.

Николка засопел ещё сильнее.

— Ох ты,— и Юрка почесал в затылке. Этот жест у него означал всегда одно и то же— когда Юрка особенно

чем-нибудь восхищался, то рука сама тянулась к макушке.—Мировой человек!—отрезал он.—Надежда Васильна, познакомьте меня с ним. Я ему скажу...

— Что же ты ему скажешь?

— Я ему скажу, что он самый первый дурак.

В классе засмеялись.

— А что разве умный?— возмутился Юрка.— Делает такие вещи и молчит. Если б я так умел, я бы, знаете, как задавался? Как наша Соловьёва, ну... или немножечко поменьше. Надежда Васильна, а можно я курточку примерю?

— Можно.

И она дала все вещи ребятам. Что-то знакомое показалось Надежде Васильевне в вышивке на чёрном сатине, но она не могла вспомнить, где и когда видела похожее.

Юрка стал натягивать курточку.

— Эх, мала, жалко. Это только Коротышу носить,— и Юрка побежал к последней парте среднего ряда.

— Меряй!

Николка не шевелился.

— Меряй, говорю! Прямо твой размер! Ты что остолбенел?— Юрка потряс его за плечо.— Ну что ты сопишь, как паровоз! Меряй, тебе говорят, мировая куртка!— уже колотил Юрка по Николкиному плечу.

Подчиняясь напору, Николка машинально надел куртку. Юрка даже застонал от восторга:

— О-ой! Смотрите! Будто на тебя сшито. Он маленький ростом, этот мальчишка, да, Надежда Васильна?

— Точно такой, как Коля,— улыбалась учительница.

Класс одобрительно гудел.

— Надежда Васильна, вот я мальчишка, да? Неужели, если захочу, то сумею сшить такую куртку?

— Конечно, сумеешь, если не будешь торопиться...

Юрка вздохнул: не торопиться— это было почти невозможно.

— Ну и молодец парень, что выдумал!— воскликнул Яша.— Смотрите, он зайцам на ковре меховые хвосты пришил, как настоящие.

— Это он для сестрёнки вышивал. И она очень любит этот ковёр именно за меховые хвосты.

Каждому из ребят обязательно хотелось потрогать зайчы хвосты, но Яша охранял ковёр:

— Оборвёте! Если все будут за хвосты дёргать, что от них останется?!

— Но всё дело в том,— снова заговорила Надежда Васильевна.— что сестрёнка и не догадывается, кто ей вышил такой ковёр. Этому мальчику кажется, что его товарищи будут смеяться над ним, если узнают, как он занимается девчачьими делами.

Яша возмутился:

— Есть же ещё на свете такие...—он не сказал, кто такие, но все поняли, что «дураки». Яша даже стукнул кулаком по парте.— Правда, познакомьте нас с ним, Надежда Васильевна, только если он не задирает нос, как...— Яша опять не договорил, но все видели, что он посмотрел на Зиночку.

— Ой, ребята,— крикнул на весь класс Юрка,— давайте мы ему коллективное письмо напишем, а Надежда Васильевна передаст.

Класс снова одобрительно зашумел. И только с предпоследней парты разнёсся едкий смешок:

— Тому мальчишке юбку надеть. Хи-хи... Узнать бы, кто такой. У-ух!— и Пашка с удовольствием потёр руки.

— Замолчи, Рыбина,— бросил ему кто-то из ребят.

— А вдруг он не захочет с нами знакомиться?— предложил Юрка и тут же стал разубеждать себя.— А почему не захочет? Разве мы какие-нибудь... Тоже кое-что умеем. Вот Коротыш ему свой опыт передаст по скоростной шипке. Передашь?

Николка отрицательно покачал головой, улыбнулся, тут же смутился от этой улыбки и стал усиленно разглядывать пол под ногами.

— Не передашь? Ты что, жадина?— взорвался Юрка.— Ах-ты... Да ещё улыбаешься! Я думал, ты человек! Снимай куртку! Ишь чужая куртка понравилась, стоит в ней, и стоит. Мне, может быть, тоже понравилась,— и он потянулся стащить куртку, но Николка отбежал к столу. Вдруг за плечи его взяла Надежда Васильевна и, наклонившись, шёпотом что-то спросила. Никто не слышал, что она спросила, но все видели, как Николка утвердительно кивнул головой, снова смутился и побежал из класса.

— Ты куда, сумасшедший!?— испугался Юрка и кинулся за ним.— Сними куртку! Разорвёшь!

— Не сниму!— задорно крикнул Николка,— домой в ней пойду!— Оба выбежали в коридор. Через минуту разъярённый Юрка силой притащил Николку в класс. Тащил он его почему-то согнувшись, а Николка при этом скакал на одной ноге.

— Вот, Надежда Васильевна,— победоносно сказал Юрка,— за брюки притащил. А за куртку разве можно? Порвёшь! Если б не куртка, я б тебе да-ал!— и он погрозил Николке, одним кулаком, а другая рука всё ещё держала Николкину штанину. Она поднимала её выше и выше, так что Николке пришлось ухватиться руками за парту, чтоб не упасть.

— Снимай, говорю, пока не поздно.

— Да как же он снимет, если ты его за ногу держишь?— пищала Мушка.

— А у него что, куртка на ноге надета? Пускай руками снимает,— и он снова ухватился за Николкину ногу двумя руками.— Ходит и ходит в чужой куртке, снимать не хочет...

— Может, не в чужой, а в своей...

— Я вот дам тебе — в своей! Снимай сейчас же!

— Постой, не ори,— подбежал к ним Яша,— что это Николка сказал «в своей»?

— Он правду сказал,— подтвердила Надежда Васильевна.

— Как правду? Вы же говорили, что это шил мальчик... И только тут Юрка выпустил Николкины штаны. Класс притих. Надежда Васильевна весело глядела на Николку. А он, став обеими ногами на пол, начал быстро водить пальцем по парте, будто резинкой стирал с неё чернильное пятно.

— Этот мальчик, о котором я вам говорила, и есть наш Коля Коротков.

Сначала в классе стало совершенно тихо, а потом поднялся такой шум, крик, гам и хлопанье в ладоши, что у Николки зазвенело в ушах. Один Юрка всё ещё стоял молча, раскрыв от удивления рот. Когда речь вернулась к нему, он заглушил всех ребят сразу, возмущённо налетев на Николку, как петух, готовый к драке:

— Ты что, ненормальный, делаешь?! А?! Безобразие!! Тебя в стенгазете протащить за такие дела! Позор для нашего класса! Мировой позор!

Николка поднял голову и растерянно замигал.

— Шьёт такие вещи и молчит! Опыт не хочет передавать! Жадина!!—И вдруг, став за Николкиной спиной, он обхватил его руками за живот и приподнял в воздух.

— Надорвёшься, Юра,— забеспокоилась Надежда Васильевна.

— Не надорвусь! Коротышочек ты наш мировой!— опустив Николку, он уже хлопал его по плечу.— А мы и не знали, какой ты ненормальный замечательный человек!

— И меховые хвосты сам пришивал?— спросил кто-то.

— Ну а как же! Что ему мама что ли хвосты пришивала?— ответил за него Юрка.

Надежду Васильевну вызвали в учительскую. Ребята продолжали разглядывать вещи.

— Это ты для мамы фартук сшил?

— Для мамы,— кивнул Николка.

— Тут ещё был коврик с Кремлём, куда он делся? — запищала Мушка.

Коврик исчез.

Зиночка сидела вытянутая, напряжённая и нервно кусала ногти.

— Ты сейчас брала его, — обратилась к ней Лида. — Где он?

— Не знаю, я не брала, — скороговоркой бросила Зина и поспешно стала класть книги в портфель. Всё это время она часто поглядывала на Николку, а он, кажется, совсем забыл о её существовании. И только сейчас, когда Лида обратилась к ней, он взглянул на Зиночку. И вот они молча, неподвижно несколько мгновений смотрели в глаза друг другу. Зина догадалась, кто вышивал тот коврик для Надежды Васильевны, и Николка увидел, что она это поняла.

— Да вот же он! — прогудела Лида, вытаскивая из Зининой парты кусок чёрного сатина с вышивкой Кремля. — Зачем ты его спрятала?

— Я не прятала.

— А почему ты нервничаешь и кусаешь ногти?

Все в классе знали, что Зина, когда волновалась, грызла ногти.

— Я не нервничаю и не кусаю, — она посмотрела на свой обгрызанный мизинец и спрятала руки под парту.

— Нет, нервничаешь.

— Нет, не нервничаю.

— Какая упрямая, — подумал Николка. — Прямо как мой вихор на лбу.

Лида отмахнулась от неё, дескать, не переспоришь, и, близоруко щурясь, прижалась к вышивке носом, на котором верхом сидели очки.

Дрожащими руками Зина никак не могла запихнуть в портфель книги и тетради, всё время падавшие на пол. Она торопилась уйти и... не успела. Лида сказала то, что больше всего боялась услышать Зиночка.

- Ой, как на твой коврик похоже?
- Подлетела Мушка.
- Кайма такая же! Ну точно, как у тебя!
- Совсем не такая же! — отрезала Зина.
- Нет такая же, такая же!

Посмотрела Катя и ахнула. Вышивка стала ходить по рукам.

- И ёлочки такие же, только там Университет, а тут Кремлёвская башня.
- И снежок такой же!

Класс шумел. Никто не уходил домой. Зина почувствовала, что по спине, как тогда на выставке, снова бегут мурашки. Кто-то сбегал в зал и под свою ответственность принёс коврик с Университетом. Вышивки оказались очень похожими, будто делал их один и тот же человек.

- Наверно, и это Коротыш вышивал!
- И платье серое тоже не она вышивала!
- Она и иголку держать не умеет! Вечно врёт!
- Неправда, Зина умеет вышивать, — заступилась Катя.

Но ребята не хотели отступить. В классе не любили Зину и, если представлялся случай, старались ей насолить. Кто-то крикнул, что надо дать опровержение в стенгазете. Зря Соловьёву хвалили.

- Я умею вышивать! Это я вышивала!
- Ничего ты не умеешь!
- Николка, это ты вышивал? — в упор спросил Яша, показывая коврик с Университетом.

Зина испуганно вздрогнула, встала из-за парты и замерла. Николка посмотрел на неё. Она стояла, неподвижная, вытянутая и очень бледная. Казалось, что вот сейчас закачается и... упадёт на пол. В глазах страх и безнадежность. И почему-то вдруг вспомнился Николке «пропавший человек», его шёпот вчерашней ночью, в котором звучала горечь и обида на тётю Марусю: «Не верит она мне. Ну разве трудно поверить человеку!» Вот и Зине тоже не верят. А ведь она никогда в жизни больше так не сделает. Ей нужно помочь. Характер у неё такой глупый, и ей очень трудно.

— Ребята, ну почему вы ей не верите?— заговорил Николка.— Она же умеет вышивать.

Класс понемножку стихал.

— Если тот ковёр вышивал я, какой же тогда Зина человек? Как про неё подумать можно?

Класс притих совсем.

— Дураки мы, дураки!— воскликнул Юрка.— Что подумали! Зина, конечно, задавака первый сорт, но не такой же она последний человек, чтобы обмануть Надежду Васильну и всех?!

— Конечно, не такой!— сказала Катя.

— Значит, это ты у девчонки содрал?— спросил Николку Рыбин, противно щурясь.

— Почему содрал?— вспыхнул Юрка.— Что тебе ковёр контрольная работа что ли? Содрал! У Коротыша талант! Ему только взглянуть ррраз и всё! И он уже сам так вышивать сможет.

Класс успокаивался. А Зина удивлёнными большущими глазами глядела на Николку. Она никак не могла понять, почему этот маленький смешной мальчишка заступился за неё. Почему он так поступил? Ведь ковёр с Университетом ещё больше прибавил бы ему славы по всей школе.

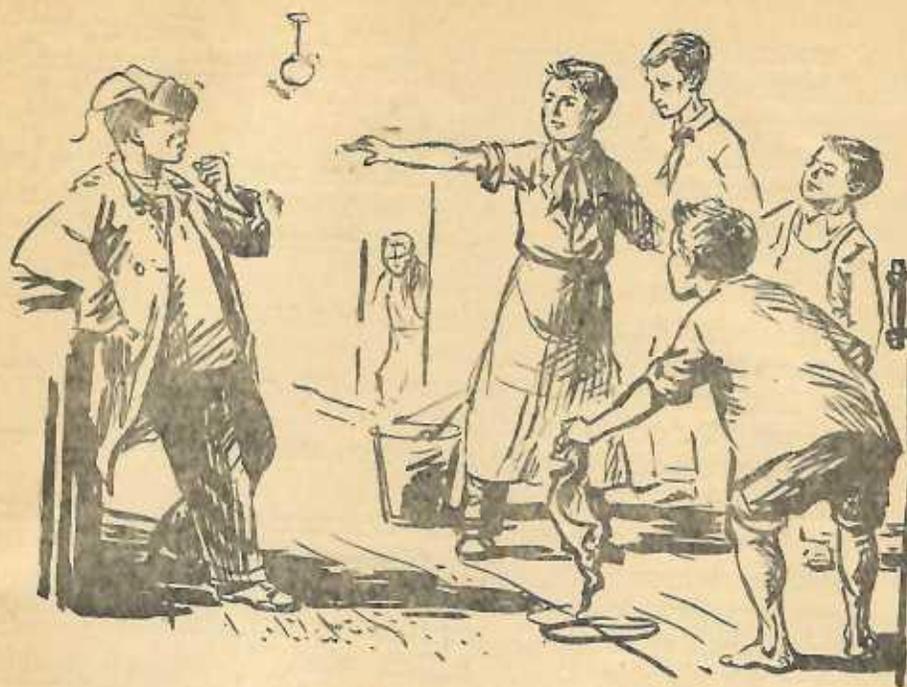
* * *

А ты бы как поступил на месте Николки? Сказал бы, что это твоя работа? Ведь правда, она б тебе славы прибавила.

вила. А это, наверно, очень здорово — быть знаменитым! Но от Зины все отвернулись бы. Её и так не любят в классе, а тут ещё эта ложь. И тогда Зина, может быть, никогда не стала бы хорошей, честной. Она на всю жизнь затаила бы обиду против ребят, так же как «пропащий человек» против тётки Маруси.

Но ведь осталась ложь. Вышивание-то было не Зинино. А честному человеку как жить с ложью?

Живой барин

Весь следующий день Зиночка вопросительно-удивлёнными глазами поглядывала на Николку, но заговорить с ним не решалась. Коврик с Университетом снова лежал на выставке под её фамилией.

Николка, то ли занятый своими мыслями, то ли из-за застенчивого характера тоже ни слова пока не сказал Зиночке. И с Длинным и с Рыбным продолжалась молчанка, если не считать, что Пашка пригрозил ему: «Берегись, предатель, отомстим за измену!». Но Николка не боялся: что они могут сделать? Смешно. Он видел, что Длинный не прочь заговорить с ним, да Пашка его настраивает против. Прозвенел звонок с последнего урока. Когда учитель вышел, Яша напомнил, кому сегодня оставаться для уборки класса.

Услыхав свои фамилии, Рыбин и Длинный переглянулись. Пашка тонко и противно свистнул: «Нашли дураков!» и, подмигнув Кольке, кивнул на дверь:

— Айда. Сматываем удочки.

У Длинного всё время рассыпались книги и тетради, он никак не мог связать их лопнувшим вчера ремешком. Пашка, стоя рядом, нетерпеливо посвистывал:

— Копается, как девчонка.

После этих слов Колька сгрёб под мышку всю стопку, и оба направились к двери.

— Эй, вы куда?— крикнул Юрка,— а класс за вас кто убирать будет? Я что ли?

Пашка остановился около двери, вынул носовой платок и помахал им:

— До свиданья. Счастливо оставаться. Желаю успешно вымыть полки и протереть парточки. — Потом издевательски улыбнулся Юрке. — Передовому уборщику мой персональный привет!— и, послав ему воздушный поцелуй, скрылся в коридоре вместе с Длинным.

Возмущённый Юрка и ещё несколько ребят побежали за ними. Николке было стыдно, ужасно стыдно, особенно за Пашку, который только что кривлялся тут, как плохой клоун.

Через несколько минут вернулся Юрка, вконец расстроенный.

— Сколько слов хороших зря потратили на этих лодырей! А у них вместо голов — деревяшки с глазами.

— Хватит уговоров,— сказал Яша. — Надо ставить вопрос на совете отряда. Сегодня поговорю с пионервожатой. Кажется, все меры перебрали. Раз не хотят по-хорошему...

— И правильно.

— Долго церемонились.

— Таких исключать из пионеров,— зашумели ребята.

И вдруг заговорил Николка:

— Коле после уроков на секцию надо, он меня просил подежурить за него.

— На какую секцию в это время?

— На конькобежную. Его тренер вызывает поговорить, — Николка легко произнёс это, потому что Длинного действительно вызывал тренер, но только не после уроков, а позже.

— Наверно, правда, — подтвердил Юрка, — Длинный хотел мне что-то сказать, а Рыбина заткнул ему рот шапкой. Эх, — Юрка огляделся по сторонам, — убирайтесь все живо, за Рыбину уж я отдуваться буду.

Потом покосился на Зиночку, толкнул в бок Яшу:

— Сейчас Соловьёва причину выдумает, чтоб не дежурить.

Слышала Зина эти слова или нет, Юрка не понял, но причины не выдумала никакой и спокойно осталась.

— Товарищи, наша знаменитость понемножку человеком становится, — съязвил Юрка.

Зина надулась.

— Кто тебя за язык тянет, — упрекнул его Яша и пошёл в раздевалку. — Почему сам не сказал, что тебя тренер вызывает, — обратился он там к Длинному.

— А? — открыл рот тот.

— Раз договорился с Коротышом, что он за тебя подежурит, надо сказать по-человечески. А то уходишь молча, будто языка нет.

Яша хотел ещё что-то сказать, но его позвали. А Длинный вместо того, чтобы подать номерок тётке Маше, задумчиво отошёл в сторону.

Пашка был уже одетый: он всегда лез без очереди.

— Айда девчонок из-за угла пугать, а? — но, увидев, что Длинный не собирается надевать пальто, скривил нос и ехидно процедил: — Полик мыть остался?

Колька ничего не ответил, быстро отошёл в сторону и, шагая длинными ногами через несколько ступенек, помчался на свой второй этаж.

Юрка пошёл за «уборочным инвентарём». В классе остались только Зина и Николка. Сначала они молчали. Зина глядела в окно, а Николка на стену, будто увидел её первый раз в жизни. Потом он подошёл к доске, взял тряпку, но не начал стирать упражнение, а посмотрел на Зину. Перед ним была та девочка, какую он уже раз видел в зале, когда она, думая, что рядом никого нет, разглядывала его вышивку. То же растерянное лицо, те же грустные и совсем не злые глаза. Он подумал: вот сейчас, как тогда, Зина переменится, станет гордой, надменной. Но она не менялась, а стояла печальная с удивлённо-растерянным взглядом.

— Почему ты не сказал? — было ясно, о чём спрашивала Зина.

Николка улыбнулся.

— Если б я сказал, как бы ты тогда... была? Что про тебя все подумали бы?

— А какое тебе дело до меня? Каждый думает только о себе, так моя мама говорит.

— Неправда, — отрезал Николка. — Моя мама говорит совсем наоборот, нельзя думать только о себе, иначе человеком не станешь... — Николка помолчал. — А ведь ты честное пионерское дала, помнишь? Нельзя, чтоб так оставалось. Какое же оно честное, если это неправда. Надо всем правду сказать. Я, знаешь, что придумал?

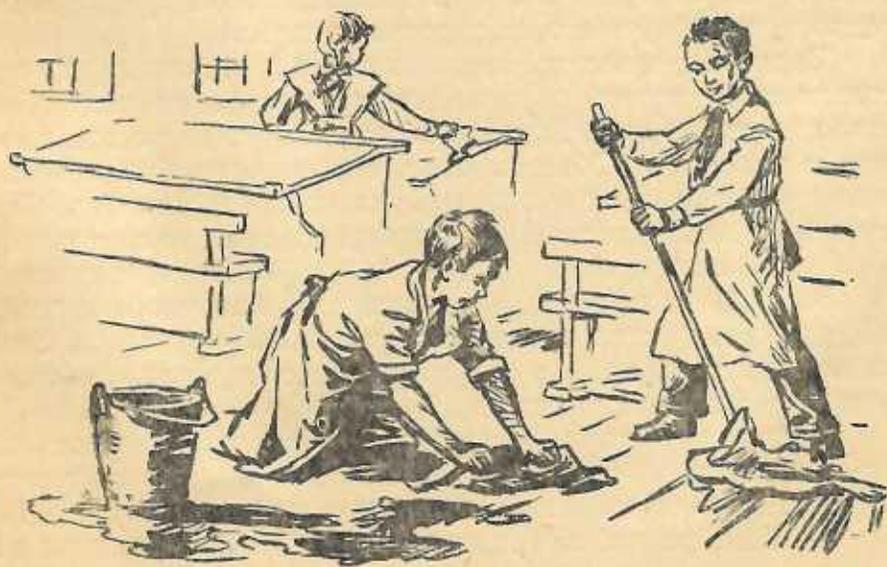
В это время влетел Юрка, брякнул пустое ведро и щётку на пол и начал командовать.

— Пол будем мыть мы с Коротышом! Мытьё полов — это тяжёлая работа, а всякую тяжёлую работу должны делать мужчины. Вы девчонки — слабосильный народ. Коротыш, айда за водой! А ты будешь стирать пыль со всех предметов. — Он выхватил из рук Николки тряпку и провёл

ею по блестящей чёрной крышке парты. Крышка сейчас же стала грязно-серая, пыльная.

— Так! Нарботал, умница. Эх, а чистую-то тряпку я забыл, конечно. Растеря.

— Я принесу,— сказал Николка, выходя из класса с пустым ведром. Поставив ведро у двери, он побежал за тряпкой. Пока он её искал, прошло несколько минут. Когда уже с тряпкой Николка возвращался обратно, навстречу ему попался Длинный. Он тяжело дышал, будто только что пробежал на физкультуре стометровку. Непомирившиеся товарищи молча посмотрели друг на друга и разошлись в разные стороны, но Длинный весело, знакомо подмигнул Николке. Около класса нагнувшись, чтобы поднять пустое ведро, Николка замер от удивления. Ведро стояло на том же месте, но до краёв полное воды, а от него по полу тонкой цепочкой вели прозрачные капельки прямо к ребячьему туалету, где обычно мальчишки брали воду. Николка оглянулся в сторону Длинного, но в коридоре уже никого не было.

— Вот почему он тяжело дышал. Бегом, наверно,— подумал Николка и понёс воду в класс.

— Ты чего улыбаешься?— спросил его Юрка.

— А разве я улыбаюсь?

— Как луна. Я смешной, да?

— Николка кивнул.

— Ну и пусть, зато не измажусь. У тебя характер спокойный ты и так мыть можешь,— тараторил Юрка.

А он действительно был смешной. Уже давно кто-то из девочек принёс в школу халат, он был не новый, но ещё крепкий. Чтоб не испачкаться, его надевали во время мытья полов. Для мальчишек был фартук. Но Юрка знал, что один фартук его не спасёт, и при своём суматошном характере он извозит всю школьную форму. Тогда он надел на себя девчачий халат, а поверх халата фартук. Теперь было надёжно.

Когда Николка принёс воду, Юрка решительно взялся за тряпку. Он наотрез отверг щётку, при помощи которой некоторые вытирают пол, намотав на неё мокрую тряпку. Заявив, что он будет мыть, как мама, Юрка тут же задел ведро ногой и чуть его не опрокинул набок.

Вероятно, мама всё-таки мыла не так, потому что как только сын с шумом опустил тряпку в ведро, на полу образовалась такая лужа, которая была опасна даже для человека в калошах. Объявили аврал, и лужа была срочно ликвидирована. После этого Юрка начал тереть пол. Сначала было непонятно, чем он больше его трёт, то ли тряпкой, то ли коленками. Но к удивлению ребят Зина, капризная заносчивая белоручка Зина, показала, как удобнее мыть, и Юрка сразу стал проявлять успехи. Оказывается, Зина знала, как моют пол, а они-то в классе думали, что она и тряпку держать не умеет.

Николка вытирал пол щёткой. У кого получалось чище—неизвестно, хотя Юрка уверял, что, конечно, у него. Через несколько минут он с удивлением воскликнул:

— Безобразие! Коротыш, смотри, Зина уже почти все

парты вытерла, а я только успел за это время два раза воду разлить и четыре раза поскользнуться. Эх, работничек!

Тут он поскользнулся в пятый раз, теперь уже окончательно и бесповоротно перевернул ведро набок, вздохнул и молча пошёл за водой.

Когда он возвращался в класс, в коридоре ему попался Рыбин, одетый в пальто и шапку.

— Привет новой уборщице!— крикнул он и захохотал. — Юбку надел? Скажите, тётяшка, а какая у вас зряплата?— кривлялся он.

Но Юрка не вспыхнул, не замахал руками и не наговорил ему тысячи слов в минуту. Это обескуражило Пашку. Он любил смотреть, как тот кипит.

Сейчас Юрка был поглощён очень трудным для него делом. Нужно было пронести ведро по коридору и не пролить воду на пол. Благополучно доставив ношу до дверей класса, Юрка облегчённо вздохнул и сам удивился, что пол, по которому он сейчас шёл, был сухой. И только теперь Юрка обернулся к Рыбину.

Тот стоял у окна, развалился, положив локоть на подоконник, и щёлкал семечки. Шелуху он собирал в кулак, но несколько шелушинок уже валялись у его ног.

И вдруг Юрка закричал:

— Ребята-а! Ребят! Эй, кто есть? Эй!

Почти из всех классов второго этажа высунулись удивлённые ученики. Зина с Николкой тоже открыли дверь.

— Чего кричишь? На третьем этаже занимаются,— строго произнёс парень из седьмого класса. Он тоже был в фартуке, только без халата. На ногах калоши, брюки закатаны, а в руках мокрая тряпка, с которой мутными капельками стекала на пол вода.

Сейчас во всех классах первой смены шла уборка.

— Ребята, хотите живого барина посмотреть?— задорно, но уже тише крикнул Юрка.

— Кого живого?— переспросила шестиклассница со щёткой в руках.

— Ба-ри-на,— по слогам повторил Юрка.— А то мы только в книжках читаем, какие раньше барини были.

— Не барини, а господа,— поправил семиклассник в закатанных брюках.

— Ну, господа. Мы только про них по литературе проходим, а тут живой.

— Где? Где?— высказывали из классов ребята.

— А вот он!— и Юрка показал на Рыбина.— Разве не барин? Стоит, ничего не делает в свое дежурство, только сорит, а другие на него работают.

Рыбин не ожидал, что Юрка будет привлекать внимание к нему, сначала вытаращил глаза, перестал грызть семечки, а потом, демонстративно положил второй локоть на подоконник и закинул ногу за ногу.

— Ребята, я, знаете, что думаю?— продолжал Юрка,— скоро вот такие, как наш Рыбин, в зверинец попадут.

Кто-то весело захохотал.

— Почему в зверинец?

Пашка при хохоте вздрогнул.

— Конечно, в зверинец. Я вам научно докажу, почему,— совсем разошёлся Юрка, вышел на середину коридора, подтянул съехавший халат из-под пояса и начал.— Научно доказано, что человек произошёл от обезьяны. Труд превратил обезьяну в человека. Вот. Значит, если человек не будет трудиться, он опять превратится в обезьяну. Есть же такие человекообезьяны! Как их называют, я забыл...

— Гориллы,— подсказал Николка.

Рыбин метнул в Николку злой, непрощающий взгляд.

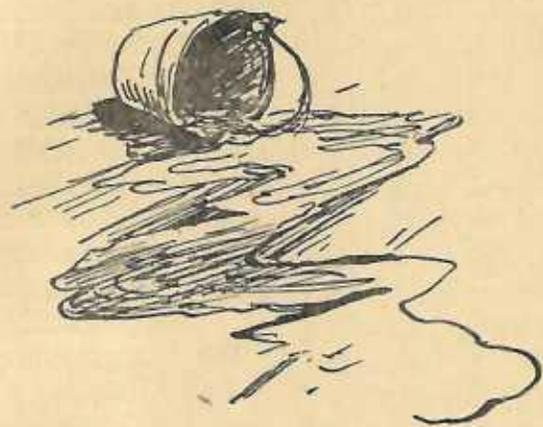
— Во-во, гориллы,— обрадовался Юрка.

— Правильно,— весело крикнул кто-то.— Всё научно обосновано. Может, у Рыбина уже хвост вырос?

Все дружно захохотали, а Пашка съёжился и глядел на ребят маленькими острыми глазками.

И долго ещё во всех классах радостно смеялись ребята. Сегодня даже раньше обычного закончилась уборка, потому что с шутками легче работается. Когда весело, то и дело спорится.

Юрка прекрасно вымыл половину класса. И ведро опрокинул ещё только один раз.

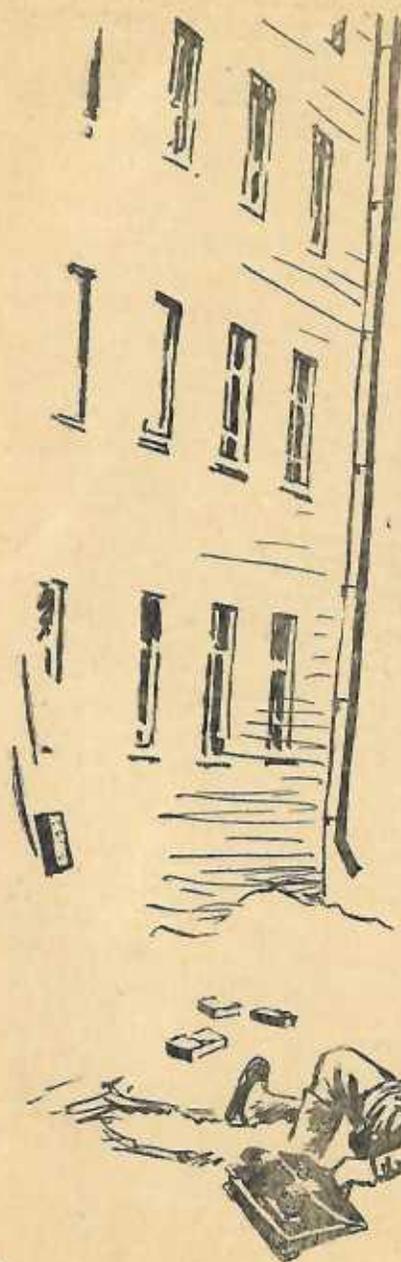

Б. В. Чаплина.

Самая противная

В классе стали замечать, что за последнее время у Николки с Зиной появились какие-то общие дела. Иногда они разговаривали на перемене, чего раньше никогда не было, уходили вместе из школы. Но этого мало. Рыбин выяснил, что Николка как-то заходил к Зине домой. Это уж было слишком. Дальше терпеть такое безобразие становилось невозможным.

— Мало с ним не разговаривать, предателя надо проучить, — настаивал Пашка. Правда, Яша и некоторые другие ребята дружили с девочками. Но с Яшей не стоило связываться: он здорово умел давать сдачи. А над Никол-

кой можно было вытворять всё, что захочется. Он тихий, маленький, драться не умеет да и жаловаться не пойдёт.

Длинный начал было уговаривать Пашку не трогать Коротыша, но Рыбин зло расхохотался и обозвал его самого девчатником. Это было очень веское слово, и тот смолк.

Но Длинный всё-таки хотел удостовериться собственными глазами, что Николка ходит домой к девчонке.

— Кажется, в этом доме живет Соловьёва, — подумал он и остановился. Буду ждать, пока предатель не выйдет. Дома его нет, а из школы они вместе ушли.

Побоявшись, что его могут увидеть в окно, Длинный отошёл в сторону, переступил через какую-то загородку, не обратив на неё внимания, и остановился в нескольких метрах от пятиэтажного здания. Оно ещё было заселено: его только что выстроили.

Вдруг Длинный увидел, как из дома через дорогу ему стучит в окно какая-то девчонка. Стучит настойчиво, что-то говорит, показывая вверх, и машет в сторону рукой, чтобы он уходил отсюда.

Длинный ухмыльнулся и не сдвинулся с места. Ишь распоряжается! Так я и ушёл по девчонкиному приказу. Хочу и стою, ей какое дело.

Чтоб не унижать себя перед девчонками, он даже не взглянул вверх, куда она показывала. Назло ей стоял на одном месте, подкидывая ногой камень. Их почему-то много валялось вокруг.

Вот в окне появилось ещё одно девчачье лицо, посмотрело на Кольку, потом куда-то вверх и тотчас исчезло. — На Зинку похожа, — подумал Длинный, — неужели я дома перепутал, и она тут живёт?

Вдруг на крыльце этого дома, где были девочки, резко распахнулась дверь, из неё вылетела Зиночка, да, да, Зиночка, Колька не ошибся и, что-то крича, понеслась к нему со всех ног. Она бежала по снегу в тапочках, без пальто, в халатике с короткими рукавами.

Длинный от удивления раскрыл глаза: что за явление?!
— Уходи, сумасшедший, не тебе кричат, да?

Она прыгнула через загородку, тапочка слетела с правой ноги и ткнулась бархатным синим носом в сугроб. Длинный не успел опомниться, как Зина в одном чулке подбежала к нему, со всей силы толкнула его в сторону. Длинный упал. Тогда она схватила его за рукав и энергично потащила к стенке здания. В это самое время большущий кирпич с пятиэтажной высоты плюхнулся в то место, где только что стоял Длинный. За этим кирпичом полетел второй, третий... Зину больно ударило по ноге осколком. Подлетела другая девочка, та, что барабанила в окно, и закричала на Длинного, что все мальчишки упрямые, противные, девочек никогда не слушают, и она с ними не желает разговаривать.

Испуганный Колька прижался спиной к стене и не шевелился, только учащённо мигал.

Зина перешагнула загородку, прихрамывая, подошла к тапочке, вытащила её из снега, надела на мокрый чулок. Не говоря ни слова, потянула кричащую подругу за рукав, и через минуту за ними уже захлопнулась входная дверь.

А кирпичи всё летели и летели. Из здания выскочила женщина в стёганке и закричала на Кольку:

— Ты что, загородки не видишь, пострел безглазый?!— потом задрала голову к небу и начала кого-то там ругать окаянной душой. Оказывается, душа должна была сначала крикнуть ей, а потом уже снова кидать камни с чердака. Но душа не крикнула и чуть не угробила пострела, у которого глаза чёрт с квасом съел.

Длинный дрожащими ногами перешагнул загородку и молча побрёл по улице прочь от Зининого дома. Он шёл, удивлённый, растерянный, почти натываясь на прохожих. Все его представления о девчонках летели вверх ногами. Он ничего не мог понять.

— А ведь самая противная в классе,— думал он о Зине.— Самая противная. Другие, вроде, получше.

Не страшно, а противно

В Пашкином дворе собралась знакомая компания. Мальчишки негромко что-то обсуждали. Колька прилип ухом к забору со стороны улицы и слушал. Идти во двор не хотелось. Вдруг он насторожился, забеспокоился, ещё плотнее прижал ухо к щёлке. Что делать? Отговорить? Не согласятся. Бежать к Николке? Неизвестно, где он сейчас, да и не поверит. Что делать? И Колька со всех ног помчался домой.

Навстречу попалась Зина. Она шла, слегка прихрамывая, и размахивала коричневым портфельчиком. На бегу Длинный спросил, где Николка, она не знала. Когда он сворачивал за угол, то видел, что Зина стоит у Пашкиной калитки и застёгивает портфель.

А Николка после уроков задержался в пионерской комнате и сейчас, ничего не подозревая, шёл из школы домой. Ходил он всегда самой короткой дорогой, мимо Пашкиного

дома, который стоял в переулке. Переулок был кривой, глухой, почти безлюдный. В будние дни только утром, перед девятью часами, и вечером, после пяти здесь появлялись прохожие, а в другое время людей почти не было.

В нескольких шагах от Пашкиного дома Николка вдруг услышал громкий шёпот за забором:

— Идёт! Приготовились!

Машинально он поднял голову глянуть на верхушку забора. В это время последовала резкая команда «Пли!» Над забором взметнулась лохматая голова, и что-то тяжёлое, как камень, с силой ударило Николку по лицу. Голова исчезла. Он сначала не понял, в чём дело, и всё стоял, глядя вверх, потом почувствовал, что это тяжёлое рассекло ему губу. Во рту появился солоноватый вкус. На месте лохматой головы вдруг показалось несколько голов, и уже несколько тяжёлых камней ударили в Николку. Один метко попал в глаз. Николка пригнулся, закрыл лицо руками, и камни забарабанили по спине, сбили шапку на дорогу и больно колотили по раскрытой голове. Потом всё стихло. Николке показалось, что глаз ничего не видит, он протёр его, потом закрыл рукой второй глаз. Что-то мутное поплыло перед Николкой, стало проясняться, и он увидел снежную дорогу, портфель, шапку, нерассыпавшиеся снежки и куски сосулёк, валявшиеся у ног.

Когда у него над головой снова раздалась команда «Пли!» и тяжёлые комья больно ударили по голове, Николка вскипел. Он выпрямился и побежал. Но побежал не домой, не от страха, не от желания спрятаться. Он побежал в Пашкин двор. Да, Николка был маленький застенчивый, тихий, но никогда не был трусом.

Николка вбежал во двор. Навстречу ему, прямо к воротам, с гиканьем и свистом неслись четыре парня во главе с Рыбиным. Они думали, что Николка, струсив, удирает, и решили преследовать его по улице. Но когда он появился во дворе, ребята от неожиданности остановились. Николка тоже стал. Так они и стояли несколько мгновений неподвиж-

но — четыре верзилы с плотными снежками в руках и оттопыренными карманами, и один Николка, маленький возмущённый с пустыми руками.

— Вы что делаете, — проговорил он. — Как вам не стыдно?!

— Девчачий хвост! — заорал Пашка на весь двор. — Ниточки-иглочки! Одевчатился! К девчонке домой ходишь! — Потом, сплюнув в снег, грозно шагнул к Николке и прошипел:

— Я тебе покажу «гориллу»! Будешь у меня помнить... — Глаза у Пашки были злые, маленькие и жёлтые, как у зверька... Какого? Николка никак не мог вспомнить, но знал, что летом, когда к ним в город приезжал зоопарк, он видел такие глаза. Зверёк грыз прутья клетки и глядел на посетителей точно так же, как сейчас глядит Пашка. Вот он молча мигнул ребятам, и все стали медленно подходить к Николке, окружая его с трёх сторон. Он отступал, уходил назад от хищных Пашкиных глаз и сразу не понял, что ему уже отрезали путь на улицу. Когда обернулся, то увидел, что стоит между трёх стен (две от забора, а одна от сарая). Четвёртую стену составляли ребята, шедшие на него грозно и неумолимо. Забор был высокий, не для Николкиного роста. Не перелезть. Вот Николка уже спиной почувствовал его доски. Дальше отходить было некуда. А они наступали, сжимая каменные снежки.

— Сейчас получишь за «гориллу» и за всё. Век будешь помнить, — шипел Рыбин. — Приготовиться, — медленно, с расстановкой произнёс он. Ребята пошевелили снежками.

Николке не было страшно, нет, ему было противно. Противно глядеть в кривляющиеся рожи этих верзил. Противно и стыдно за них. Отвратительно, что есть ещё у нас такие вот ребята, способные целой ватагой загнать одного безоружного втупик и расправиться с ним. Николка быстро слепил снежок. Все четверо расхохотались.

— Во, видал!! — и показали своё оружие.

— Видал!— задорно крикнул Николка и быстро метнул белый ком в Рыбина. Снежок попал в лоб и мягко рассыпался по лицу. А Николка уже лепил второй.

Пашка от неожиданности попятился, а потом позеленел от злости и закричал срывающимся голосом: «Пли, пли, пли!!!». А Николка уже лепил третий снежок. Но вдруг, перекрывая Пашкину визгливую команду, во дворе раздалось грозное «Сто-ой!» Все обернулись на крик. В воротах стоял Колька Длинный и держал на поводке Волка.

— Не троньте Коротыша! Спущу Волка!

Волк — это было имя собаки Колькиного соседа. Её называли так потому, что она очень походила на настоящего волка. Ребята знали, что это злой и умный пёс, а слушается он лишь своего хозяина да Кольку.

Волк рвался вперёд, натягивая поводок, но Длинный пока не выпускал его из рук. Кто-то из ребят от страха полез на забор, остальные трое замерли неподвижно.

Николка медленно прошёл мимо них, даже случайно

задел Пашку рукой, тот не пошевелился, глядя на собаку. Когда Николка подходил к Длинному, Волк зарычал, но Колька ровным, спокойным голосом сказал ему:

— Свой, свой, это свой.

Волк хорошо знал это слово, а главное тон, с каким оно говорилось, и перестал рычать, только нос его продолжал шевелиться. Во дворе стояла тишина.

И только, когда Николка поднял на улице шапку, портфель, рассыпанные из него вещи, Длинный дёрнул поводок и повёл Волка со двора.

— Проводить? — громко, чтоб слышали все, спросил он Николку. Тот отрицательно покачал головой и пошёл своей дорогой. Когда он сворачивал за угол, обернулся и видел, что Колька всё ещё стоит у ворот. Николка весело улыбнулся товарищу и издали помахал ему портфелем.

Волк обнюхивал какой-то маленький свёрточек у Пашкиной калитки. Длинный поднял его, развернул и... ужасно удивился. В бумаге оказался Зинин ковёр, подаренный Надежде Васильевне восьмого марта.

— Растеря, — подумал он о Зине, — размахивала тут портфелем и уронила. А зачем она его взяла с выставки? Надо завтра отдать. — И он небрежно сунул вышивку в карман брюк.

Причём тут я?

Николка вошёл в класс.

— Ой, что это у тебя? — заорал Юрка, увидев распухшую Николкину губу и тёмную ссадину под глазом.

— Упал... Шёл по улице и упал.

— Что ж ты ненормальному падаешь! Не мог голову кверху задрать? Прямо лицом плюхаешься! Вот я вчера раз пятнадцать падал, а гляди — ни одной царапинки.

— Практика, — усмехнулся Яша.

Злой Рыбин подошёл к Николке и прошипел на ухо:

— Упал, да? Шёл и упал? Боишься, что мы тебе ещё жару дадим? Мало получил. Исправим!

— Боюсь? — удивленно раскрыл глаза Николка. — Ребята! — вдруг сказал он так громко, что сам удивился своему голосу. — Я вам наврал. Я не упал. Это меня побили.

— Побили? — разговоры в классе стихли.

— Я шёл из школы, а на меня напали... четверо... Кричали: «Девчачий хвост! Ниточки-иголочки!»

Юрка ахнул:

— Четверо на одного? Зверюги!

Класс дружно возмущённо загудел. Яша стремительно подошёл к Николке.

— Ты знаешь этих хулиганов? Можешь их нам показать?

И тут Николка увидел, что Рыбин струсил. Минуту назад он зло шипел: «Боишься! Ещё жару дадим!», а сейчас сидел на парте, бледный, перепуганный, руки у него мелко дрожали, а глаза быстро и беспокойно бегали по лицам возмущённых ребят. И Николке стало смешно.

— Нет,— ответил он Яше,— я их не запомнил.

— Жаль. Мы бы вывели этих хулиганов на чистую воду.

Вошёл Длинный, поздоровался, увидев Пашку, остановился. Молча и враждебно они глядели друг другу в глаза. Потом Длинный протянул руку Николке: «Привет!» и сел. На шее у Кольки был выстиранный и отглаженный пионерский галстук.

Прозвенел звонок.

Надежда Васильевна тоже заметила ссадину под глазом и рассечённую губу Николки. Юрка, возмущённо размахивая руками, тут же объяснил учительнице, что на Короткова напали четверо зверюг, но, жалко, тот их даже не запомнил. А-то они всем классом дали бы им, как следует.

Надежда Васильевна подошла к последней парте среднего ряда, мягко пригладила упрямец-вихор на Николкином лбу и внимательно посмотрела мальчику в глаза. Он ответил ей молчаливым открытым взглядом. И Надежда Васильевна всё поняла. Она поняла, что Николка прекрасно знает, кто его бил, и обязательно расскажет ей всё подробно.

Понял это и Рыбин. Пригнул плечи к парте, сжался, затих. Он почувствовал, как на него надвигается что-то серьёзное. И ни ему, ни его друзьям-приятелям от расплаты за хулиганский поступок теперь не уйти.

Урок подходил к концу. Ребята записали задание на дом. Надежда Васильевна посмотрела на часы, до звонка оставалось пять минут. Она подошла к Зине, что-то прошептала ей и обратилась к классу:

— Ребята, а сейчас послушайте Соловьёву.

Зина встала, сильно заволновалась, покраснела и опустила голову.

— Что же ты, Зина?

— Я не знаю, как говорить, Надежда Васильна.

— А ты расскажи всё точно так, как у меня дома рассказывала.

Длинный уставился на Зину вопросительными глазами. Что она будет говорить? Интересно. Но Зина молчала. Надежда Васильевна сказала, что нужно сбегать в зал и принести с выставки Зинин коврик. Первый подскочил, конечно, Юрка:

— Можно мне, Надежда Васильна?

— Иди.

Длинный полез в карман и нервно зажал в кулаке вышивку. Забыл отдать! А учительница-то не знает, что Зина взяла её. Сейчас девчонке попадёт. Выручить что ли? Юрка уже выбежал из класса.

— Надежда Васильна, можно я? — гаркнул Колька — быстрее, у меня ноги длинные. — И, не дожидаясь ответа учительницы, боясь, что она его не пустит, вылетел вслед за Юркой.

— Пускай лучше замечание сделает. Выдержу.

В зал можно было идти двумя дорогами, одна подлиннее, другая покороче. Юрка побежал, конечно, той, что подлиннее (когда ещё представится случай во время урока побегать по коридорам! Встретится директор или завуч — не страшно: он по делу бежит, его Надежда Васильевна послала).

А Колька вылетел, отошёл на несколько шагов от класса и остановился. Подождав немного и проделав бег на месте, чтоб запыхаться, он с шумом открыл дверь в класс.

— Я ближней дорогой, Юрка ещё до зала не дошёл, — выпалил он, подавая коврик.

Учительница, конечно, сделала ему замечание за самовольный уход, он извинился и пошёл на своё место. Проходя мимо стоящей Зины, Длинный мирно подмигнул ей.

дескать, не беспокойся, выручу, хоть ты и девчонка. Потом вдруг снова сделал презрительное лицо: не так-то легко было отделяться от старого.

Николка рылся в портфеле. Все учебники и тетради он выкладывал на парту и отчаянно сопел.

Надежда Васильевна говорила о том, что в жизни люди иногда ошибаются, совершают дурные поступки, встречаются и просто плохие люди. Но не нужно отворачиваться от них. Нужно верить в людей. Нужно помогать им становиться хорошими. К чему это говорилось?

— Вы знаете, что Зина сделала мне эту вышивку в подарок?

— Знаем, — ответило несколько голосов.

В это время открылась дверь, и ворвался Юрка.

— Ты где столько времени бегал? — пискнула Мушка.

— Ой, Надежда Васильевна, зал был заперт, я пока тетю Машу нашёл, да пока открыли...

— Вовсе не заперт, — уличала Мушка, — выдумываешь. Капустин давно из зала коврик принёс.

Длинный съёжился. Заперт! Он этого не ожидал.

И вдруг Юрка замер на месте. Глаза его округлились и стали похожи на две большие серые пуговицы. Мушкин смешок раскатился по классу, будто рассыпали по стеклу звонкие бусинки. Кто-то ещё весело прыснул, и вот уже захохотал весь класс, глядя на Юркины вытаращенные глаза. А он с удивлением и даже со страхом смотрел на руки Надежды Васильевны, будто они держали не Зинино вышивание, а что-то совершенно диковинное. Вот Юрка пошевелился и протёр глаза. Потом сам себя ущипнул за щеку. Вскрикнул, взмахнул другой рукой и в тот же миг смолк весь класс. Смолк и вытаращил тридцать пар глаз, таких же удивлённых, как Юркины.

Что такое? Что за чудеса? У Юрки в руке все увидели... Зинин коврик. Да, да, тот самый, который... держала в своих руках и Надежда Васильевна...

Никто ничего не понимал, откуда появились два одинаковых ковра. И лишь Николка, Зина и Надежда Васильевна удивлялись не очень сильно. Им только было непонятно, почему вышивки оказались у Юрки и Длинного, когда одна должна была быть у Николки.

— Ты на выставке взял вышивание? — улыбаясь, спросила Юрку учительница.

— На выставке. Честное пионерское! Хоть тётю Машу спросите. Вот честное пионерское же!

— А ты тоже на выставке?

Колька встал. Он всё не верил своим глазам и вертел головой от одной вышивки к другой. Шея его казалась ещё длиннее и худее, чем обычно.

— Я... Я не на выставке... Я нашёл около Рыбинского дома... Я думал...

Надежда Васильевна удивлённо посмотрела на Зину и Николку.

— Значит, это я потерял, когда... ну, вобщем, когда... упал, — и Николка потрогал ссадину под глазом.

Один из этих ковриков вышивала Зина, а другой не она,

— А кто же? Коротыш?

— Да, Коля Коротков. Отличите, где Зинина вышивка, а где Колина, — и она отдала коврики ребятам.

Если бы они положили их рядом, и смотрели оба

вместе, то конечно, могли бы заметить разницу. Но если смотреть на каждый отдельно, то трудно было найти отличие. И ребята запутались.

— Я должна вам сказать... сознаться... я нечестно поступила, — наконец, заговорила Зина. — Тогда, на восьмое марта, это была не моя вышивка. А я честное пионерское дала. А теперь я сама вышила такой же... Меня Николка научил...

— И, значит, не напрасно Зину хвалили и писали про неё в стенгазете, — добавил за неё Николка. Класс примолк, а потом одобрительно загудел.

— Коротыш ты наш! До чего же ты мировой человек! — заорал Юрка. — Ребят, я вам тоже что-то сейчас покажу, — и он стал расшнуровывать ботинок. Снял его, вскочил на парту и начал перед всеми дрыгать ногой. Потом вспомнил, что в классе Надежда Васильевна, и соскочил. Ребята грохнули: на Юркиной пятке зияла огромная дыра.

— Чего хохочете? — возмущался Юрка. — Дыра ничего не значит. Вы на неё не обращайтесь внимания, я же носки второй день ношу, разве выдержат! А штопка-то какая! Видите!!

И правда, рядом с дырой ребята увидели аккуратно заштопанное в клеточку место.

— Это меня Коротыш выучил! Мне теперь никакие дырки не страшны! А ещё он обещал выучить меня, как летнюю куртку шить! Вот! — Юрка зажмурился от удовольствия, и нос его стал похож на маленькую кругленькую картофелину.

— Молодец ты у нас, Николка, — громко сказал Яша. Николка смутился и, краснея, пробормотал.

— При чём тут я? Что вы! Разве это всё я?

— А кто же?

— Кто? Мой друг.

— Какой ещё друг, — нахмурился Юрка. — Я его знаю?

— Конечно. Вот он! — Николка достал из кармана бумажку, согнутую в несколько раз, и вытащил оттуда обык-

новенную швейную иголку. Весенний лучик из окна прыгнул на неё и тут же соскочил. Иголка в Николкиной руке вспыхнула на миг тонкой сверкающей полосочкой.

— Иголка!— закричал Юрка.

— Это всё она,— вконец смутившись, словно оправдывался Николка.— Я без неё ничего бы не мог.

Юрка не унимался:

— Ребята! Да здравствуют Николка и иголка! Ур-ра-а!

Ребята подхватили. Надежда Васильевна не останавливала их, потому что звонок давным-давно прозвенел, и была перемена.

А Николка, маленький, смешной и взволнованный, стоял около парты и не знал, куда деть свои руки. Казалось, что ему в лицо дует сильный ветер, прямо сквозняк, потому что чуть выше лба вертикально вверх торчал коротенький клоч волос, будто кустик сухой, прошлогодней травы.

